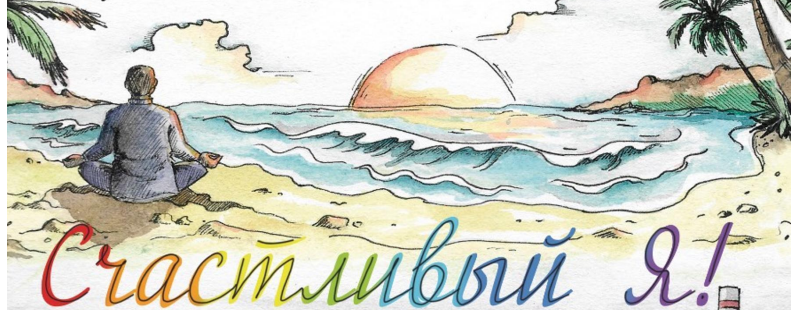
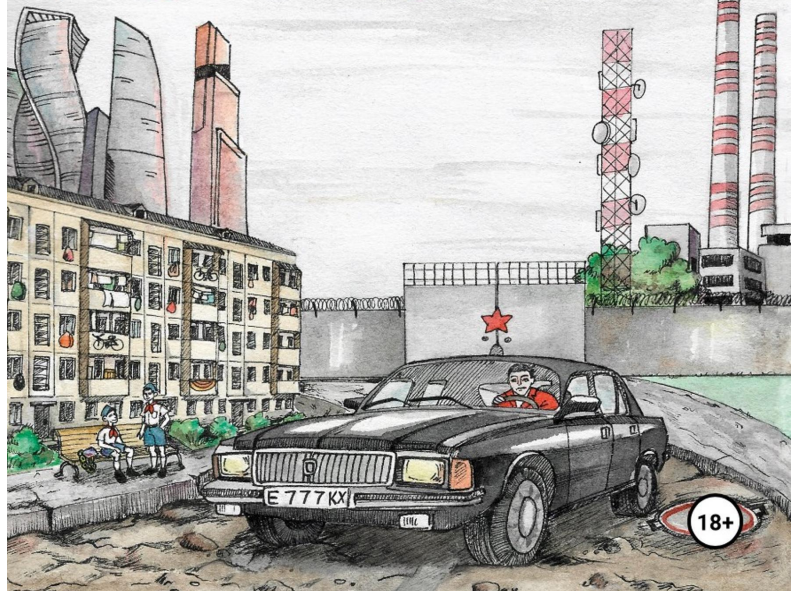

Алексей
Михайлович
Капранов

Счастливый я!

Алексей Капралов

Счастливый Я!

<https://litres.ru/74196178>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Счастливый Я!» — автобиографический роман о взрослении, утрате и исцелении.

Автор проводит читателя через советское детство, суровые девяностые и хаос взрослой жизни, где любовь соседствует с изменой, а поиск духовности — с падением.

Это исповедь мужчины, который выжил в эпохе без правил и нашёл дорогу к Свету.

Сочетание документальной честности, уличной поэтики и философской глубины делает книгу живой, пронзительной и человеческой.

Каждая глава — как откровение, после которого хочется помолчать и жить по-другому.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ПРЕДКИ	8
КОММУНАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ	11
СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДСТВО	42
ВПЕРВЫЕ	64
ДОБРО ПОЖАЛ	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Алексей Капралов

Счастливый Я!

ВВЕДЕНИЕ

Здравствуй, мой незнакомый читатель!

У тебя в руках не книга, а бумажная капсула времени, наполненная воспоминаниями: из коммунальных квартир, криминальных эпох, кирзовых сапог, семейных драм и экзотического коллекционного опыта. Прочитав семьдесят одну тысячу двести семь слов, можно стать мудрее на целых полвека. Если же ты — один из тех хитрых читателей, кто в детстве любил утолять жажду любопытства, подслушивая соседей через стакан у стенки, а теперь заглядываешь книжкам под обложку с твёрдых сторон в полной уверенности, что за две страницы поймёшь всю глубину напечатанной жизни Я упрощу жизнь твоему меридиану любознательности: с иной стороны книги будет другой человек.

В твоих красивых руках — мемуары, чёрно-белая разделительная полоса, между теми, кто уже истратился временем, и у кого ещё всё впереди.

Мемуары — это что-то настолько интимное, что можно читать и голым, забравшись под плед. Мемуары можно проживать и в тени пляжного зонтика, и в бетонной тиши-

не квартиры. Читателю лишь необходимо установить приятное для глаз освещение. Подойдёт свободный вечер или солнечный свет. Мемуары — это про безопасность в пути по непредсказуемой жизни такого же человека. Читай — гид по судьбе.

— Открой девятую страницу — и узнаешь, как начиналась маленькая жизнь в большой коммунальной среде.

— После школы я поступил гвардейцем в Ореховский ОПГ

— 26.12.1991 — время желанных перемен

— ДМБ 95—97

— Шри- Ланка 2020—2025

— COVID-19

— Цигун

— Эпилог

Мемуары — это искренний друг, а не исторический справочник. Нет, нет и нет! Не думай, что это просто интрижка на два часа с книжкой. Мемуары — печатная машина времени, полная зависимых от читателя героев.

Эти персонажи ждут дружелюбного водителя и хотят воскресения в чёрно- белом прошлом, чтобы ещё раз влюбиться, прожить пороки, сделать олл-ин и проиграть, навсегда высказать своё мнение, родиться вновь не напрасно, но с пользой! Преподнести дары истраченного времени, словно хлеб с солью — каждому читателю. Каравай можно съесть целиком, но лучше растягивать удовольствие, вкушая кусоч-

ки. Он не испортится, а с годами станет только полезнее.

Какие бы технологии ни ждали через сто лет, чувства, за-трагиваемые в мемуарах, останутся неизменными. Поменяются социальные устои, международные отношения, религиозные ориентиры. Люди по-прежнему продолжают рождаться из женщин, молчаливая любовь которых безустанно хранит своих чад. Между близкими во все времена так и будет невыраженное, несказанное, непростое. С каждой новой прочитанной историей вырастает всезнающая голова.

Мемуарами хочу подтолкнуть тебя: аккуратно положить меня на стол, обнять ребёнка или позвонить родителям, позволить себе быть собой, ведь когда-то, надеюсь, очень нескоро, и ты тоже станешь историей за металлической оградкой, зашифрованной шестнадцатью цифрами в граните. Ни одного телефонного звонка, сердечного слова, неожиданного комплимента, тепла, благодарности, — ничего не пропускает полутораметровый слой земли.

В мемуарах я использую параллельный приём повествования сокращённых пятидесяти лет: «как так вышло — почему это прошло». Сразу скажу так: мои буквы не имеют обвинительного оттенка. Я вдыхаю окружающий влажный воздух и выражаю благодарность за все случившиеся события каждой прочитанной тобой строкой.

Известные всякому интеллигенту матерные выражения, ценя труд и двадцатилетние усилия Даля Владимира Ивановича, я перестал использовать в изменившейся жизни, и

скабрёзные слова в тексте заменил на фантазию любителей книг выражением «з@пятая». Осторожно! При чтении уголки твоих губ будут периодически стремиться вверх, из-за чего на лице возможны обаятельные мимические морщины.

Зарубежные валюты, озвученные в тексте, стремятся показать читателю влияние доллара в мире на умы людей, и не привязаны к реальному курсу. Если убрать страну-производителя, цена обернётся в американский доллар.

В мемуарах я немного отойду от исключительно физического понимания времени, опираясь на личный пример. Коснусь техник и практик, которые помогли снять с моей жизни ожог четвёртой степени, а затем и гармонично настроить радугу в оба конца с близкими людьми. И мне бы никогда не прийти к такому солнечному качеству жизни, если бы я не коснулся дна печали, где в мутном омуте чувств, разглядел одинокий финиш в непрекращающейся гонке за тысячами тысяч долларов. Неизвестный человек из видеороликов в Ютуб познакомил меня с гимнастическими дыхательными практиками. Спустя два года изучения я уже сам преподаю технику — цигун.

QR-талон на бесплатный телеграм-канал с полезными упражнениями, татуировкой вбит в последнюю крышку бумажной версии книги. В былинные времена никто, кроме бога, не мог прочесть судьбу человека. Теперь ты — мой Бог на этих страницах.

ПРЕДКИ

Деды

Поколение моих родителей (беби-бумеры) выросло в послевоенных семьях, где кто-нибудь из родни обязательно воевал. В советское время это была банальная норма. Выигранную у войны жизнь оправдывать ежедневно водкой — везде, много, всегда — считалось обычным трудовым подвигом. Самогон — в каждый дом. В такой вот Смоленской обыденности горячо любимая матушка Вера вытерпела четырнадцать лет, а затем отправилась покорять областной центр.

С раннего детства будущую маму некорректно воспитывал старший брат Дима. Ему пришлось взять на себя роль мужчины, потому что мой дед погиб от мучивших тело военных ранений, когда нежной маме только исполнилось шесть лет. Дед Дементий, не оставив ни внимания, ни заботы, передал детям на память полную коробку военных орденов, медалей и бесконечный чернозём.

Колхозная жизнь перепугала смелую маму — отсутствием благ, безразличие матери только укрепило, а братская опека — подтолкнули учиться в Смоленске, по призванию всей нашей семьи — на повара. И эта студентка так вкусно солила и перчила учебную еду, что её, в числе немногих, отправили практиканткой на судьбоносное предприятие в Москву.

«В заводской столовой, на раздаче тарелок, я встретил

вашу маму с деревянным чемоданом в руке» — частенько любил повторять батя. Вера Дементьевна после переезда в столицу прекратила поддерживать с мамой и братом тёплую связь, оставляя между семьёй только стандартные телеграммы в причитающиеся праздники.

Мой папа, Михаил Павлович, был москвич до седьмого колена. Я видел его худым только на фотографиях. Сначала на кухню заходил его живот, потом сам батя. Ему даже прозвище шло — «Пупок». Отец моего отца, Павел Егорыч, работал трактористом в Москве, и когда началась Великая Отечественная вой на, без джойстиков и пивка, сразу стал управлять танком, контуженным, доехал до столицы Германии и вернулся восстанавливать разрушенное. Благодаря этому я до сих пор думаю и живу по-русски: «Поклон деду за Победу!» Павел Егорыч после всего пройденного нормально жить уже не смог и регулярно прикладывался к горлышку бутылки, вспоминая свои военные дни, а когда умер, моя бабушка Валя открыто переняла эту смертельную эстафету. За матерью последовал и первый сын — Валера. Батя был средним.

Младший брат, Андрей, также не хотел терпеть уверенно спивающуюся мать и брата-алкоголика, и в неполные шестнадцать лет убежал — до воинского призыва — к нам, в девятиметровую коммунальную комнату, пятым членом семьи в красном раздвижном кресле.

В начале отношений Михаил Павлович и Вера Дементьевна поселились на два года в бабушкину московскую трёхком-

натную квартиру. Обстановка в отцовском роду была нездоровой, и, может, поэтому я вышел на свет недоношенный и хилый. Мне уже не узнать, почему батя разорвал все отношения с матерью и даже не пошёл на её похороны. Связь с женским родом была полностью обрезана в новой семье с двух сторон, но тогда я в этом ничего «не понимаю».

До полутора лет вместо вкусного бюста я питался полезными капельницами. Доктора залечивали мне уши, а надо бы двустороннее воспаление лёгких. И неразборчивым медицинским почерком мне было суждено зачихнуть, так и не натворив дел, если бы мудрая мама не нашла бабушку-шептальку — царствие ей небесное! Та через плечо на меня поплевала, в водичку со жжёными спичками пошептала, перекрестила, и Алёша стал воскресать. Санаторная путёвка от завода, где отец оставил двадцать лет жизни, помогла попасть в Адлер и стала приятным бонусом для полной семейной реабилитации.

По возвращении с юга родители переехали в пятиэтажный дом для работников ЛЛМЗ (Люблинский литейно-механический завод). В этом коммунальном «человейнике» до шестнадцати лет происходил мой рассвет сил, и не все близкие люди из участников описанных событий дотянули до прочтения сих строк. Земля вам всем пухом, друзья!

КОММУНАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Коммуналка это коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда.

Чтобы осветить повлиявший на меня образ мышления тех лет, представлю тебе вселенную коммунальных квартир.

Сталинские постройки и бежевые дома транслировали образ величия советских идей и граждан: если потолки, то высотой три с половиной метра, чтоб не давили на мысли и настроение. Если кухня, то для песен на пятьдесят весёлых гостей. Комнаты хоть и маленькие, но бесплатно. Если коридор, то длинный, как мой теперешний бассейн. За метровыми стенками сталинских комнат можно было щекотать быка, и никто бы не подслушал.

Коммуналка — это мир в мире, страна в стране. На этаже три или более квартир, в каждой находится ещё две-четыре комнаты. Всё совершенно общее для провожающих время в этих коробках: кухня, вода, соль, новости, молоток, коридор, сплетни, ванна, газовая плита, работа, дверной звонок, радио, телефон, унитаз и даже дети. Подъездные двери практически не запирались. Первый, кто поднимал дисковый аппарат в коридоре, накрывая микрофон ладонью, звал нужного абонента на все комнаты: «Петрович! Петрович! Тебе какой-то гражданин звонит!»

Или представь, что в течение четырнадцати лет каждое

утро и вечер необходимо делить туалет и ванную с любимыми соседями на родном этаже. До тебя полным составом помылись Ивановы и Алиевы, а после ещё семья Сидоровых и Абдукаримовых станет чистой.

Все дороги ведут в Москву, и многочисленные белорусские родственники, каждый раз пересаживаясь на Площади Трёх вокзалов, на неделю занимали весь гостеприимный пол нашего жилища.

По буквам, как по лестнице, давай спустимся в домашнюю гостиную для осмотра. Вот известный своими психоделическими узорами красный ковёр на правой стене. Комната — зал и кабинет, она же спальня и гардеробная, место для секса и спорта, детская и комната для игр, — площадью девять квадратных метров на четверых человек, оклеена в два слоя газетами с клейстером, а поверх них — бежевыми обоями с нарисованными бесконечными цветочками и завиточками.

На первом этаже двухподъездной пятиэтажки наша мультикомната состояла: из входной деревянной двери без глазка и умного замка (я вскрывал его медной копеейкой, всякий раз, когда терял ключи). Прямо, через три метра от двери — окно с двойной рамой, в случае зимы, мы с отвёрткой и азартом запихивали вату и тряпки в эти оконные щели. Под окном стоял лакированный стол на тонких ножках, укрытый оргстеклом, к нему вплотную припаркована пара затёртых кресел. В правом углу от двери (он же — угол временного изолирования и детской демотивации) фундаментально рас-

положился зомбо-ящик на длинных ножках (некоторые отечественные особи достигали восьмидесяти килограммов). Телевизор, укрытый белой салфеткой, выпускался в комплекте с плоскогубцами, чтобы переключать все три доступных канала телепередач. Через тысячу двести миллиметров от телевизора пятнадцать лет стоял непроминаемый, общий наш с братом диван-колыбель.

По буквам, как по лестнице, давай спустимся в домашнюю гостиную для осмотра. Вот известный своими психоделическими узорами красный ковёр на правой стене. Комната — зал и кабинет, она же спальня и гардеробная, место для секса и спорта, детская и комната для игр, — площадью девять квадратных метров на четверых человек, оклеена в два слоя газетами с клейстером, а поверх них — бежевыми обоями с нарисованными бесконечными цветочками и завиточками.

На первом этаже двухподъездной пятиэтажки наша мультикомната состояла: из входной деревянной двери без глазка и умного замка (я вскрывал его медной копеейкой, всякий раз, когда терял ключи). Прямо, через три метра от двери — окно с двойной рамой, в случае зимы, мы с отвёрткой и азартом запихивали вату и тряпки в эти оконные щели. Под окном стоял лакированный стол на тонких ножках, укрытый оргстеклом, к нему вплотную припаркована пара затёртых кресел. В правом углу от двери (он же — угол временного изолирования и детской демотивации) фундаментально расположен зомбо-ящик на длинных ножках (некоторые отечественные особи достигали восьмидесяти килограммов).

чественные особи достигали восьмидесяти килограммов). Телевизор, укрытый белой салфеткой, выпускался в комплекте с плоскогубцами, чтобы переключать все три доступных канала телепередач. Через тысячу двести миллиметров от телевизора пятнадцать лет стоял непроминаемый, общий наш с братом диван-колыбель.

За импровизированной перегородкой, слева от нашей складной базы,— лежбище отца, закрытое от входной двери лакированным шкафом в тёмных тонах. Матушкина горизонтальная парковка для сна стояла по диагонали к отцовской кровати. На материнской стене висела забитая до отказа полка для книг, а под ней расположились тёмный лакированный письменный стол и жёсткое раскладное красное кресло. В левом ближнем от входа углу жил всеми уважаемый холодильник, в котором советскими инженерами успешно установлен двигатель от машины ГАЗ — без глушителя. Зимой нам не приходилось замораживать продукты, вывешивая их на всеобщее обозрение через форточку. Всё-таки мы были москвичами, и доступ к современным благам советской цивилизации у нас был одним из первых в самой большой стране мира.

Не вдаваясь в графики и таблицы миграции советского рабочего человека, я для себя вывел, что земляки — самые ленивые товарищи в Союзе. Нам, москвичам, досталась — такая важная в наше время — прописка, бриллиантовые квадратные метры, широчайший ассортимент, карта москвича,

бесплатная медицина, инфраструктурные бонусы, харчи, и скажу, что неплохие харчи. В столице России есть всё, кроме сахарных жёлтых манго сорта Альфонсо.

Люди, приехавшие с той стороны МКАД, добились выдающихся успехов в бизнесе, творчестве и самоопределении, им пришлось сложнее устраиваться в столице. Как яркий пример, в памяти возникает азербайджанская диаспора, образовавшаяся в Марьино при развале СССР, но об этом на других страницах этой книги. Вернёмся к дому-комнате.

Все провожающие время в окрестных домах, принимали непосредственное участие в созидании светлого будущего, создавая колёсные пары, тележки, буксы грузовых вагонов и прочее железное, на уже никому не нужном — ЛЛМЗ. Но тогда заводы постоянно держали детей своего времени поближе к себе. В этом жилом районе судьба человека, так или иначе, была встроена в бесконечную железнодорожную полосу. И если появится желание узнать подробнее о былой жизни москвичей, рекомендую обратиться свой мудрый взгляд на труды Гиляровского Владимира: «Москва и Москвичи».

В четыре или пять утра, из глубин завода, словно в Мордоре, раздавался длинный гудок. Люди просыпались и коллективно уходили в славное будущее — строить свою религию. Затем пробуждалось государство и начинало одностороннее общение с гражданами через радио «Маяк». Радиоточка была неотъемлемой звуковой иконой всякого дома, включённой круглосуточно. Пенсионеры, уже разменявшие жизни на

советский трудовой подвиг, по привычке тоже вставали. Бабушки оставались с малыми детьми, вроде нас с братом, а деды ручейками стекались во двор: играть в шахматы, карты и домино, разбавляя «по писярику», наступивший день водкой. **РЫ-БА!**

Ещё в доме существовало бомбоубежище, превращавшееся под веянием времени то в склад-подвал, то в спорт-подвал, а потом и в видеосалон.

Комната номер раз

В комнате поменьше соседями и друзьями по сей день — дай бог вам здоровья! — жила семья, состоящая из бабушки Анны, мамы Люды и лучшего друга — Романа. Отец его был лётчик-испытатель самолётов-невидимок, так что никто его в комнате не встречал, кроме тёти Люды в начале весны совместных отношений. Роману осталось только отчество — Николаевич, что не помешало ему стать Человеком и отцом двух моих крестников. Даже после того, как семья кума бесплатно, в порядке многолетней очереди, получила настоящую двухкомнатную квартиру и переехала, мы пронесли нашу безусую дружбу до сей седой поры.

В привычную комнату заселился чрезвычайно рыжий, с могучей волосатой спиной, по усатому деловой и чересчур приставающий дядя Петя, который будто застрял во времени и с перегарным выхлопом твердил нам одно и то же: все девчонки на свете — обманщицы и проститутки — априори. Потому, наверное, и жил бобылём. Как приманка для ком-

мунальных детей, у него в комнате на деревянной подставке блистал невероятной красоты парусный фрегат ручной работы с тонко выведенным белой гуашью легендарным пиратским именем «Чёрная Борода». Стройные мачты, смертоносные пушки, натянутые паруса, многоуровневые палубы завораживали своей миниатюрной изящностью. Глядя на две его мозолистые совковые лопаты вместо рук, я не понимал, как он сумел создать такую ювелирную красоту. Дядя Петя целый год учил желающих детей собирать новый фрегат по личным чертежам. Понятно, тогда у нас вышло лишь деревянное корыто, которое пришлось сжечь, чтобы не опозорится.

Комната номер три

Третья комната колоссальная — одиннадцать квадратных метров! В ней жили мама Валя и две светловолосые лапочки-дочки: Катя и Лида. Папа у них тоже, конечно, где-то был, не бывает детей без отца... Если бы коммуналка не была настолько общей, то многие случившиеся истории стали просто невозможны.

Советских детей рано приучали к горшку, никаких памперсов даже в воображении, только лютное кипячение: в жёлтом эмалированном ведре на газу, с мелко натёртой четвертью хозяйственного мыла и рюмкой *синьки* (*красящее вещество*), чтобы подкрасить бельё. Выглядело это грандиозно, будто кулинарное стиральное шоу на четырнадцати квадратных метрах, где крепкие тётеньки вместо снеди тушили ве-

щи, мешали одежду деревянными щипцами, тёрли одежду по неровной оцинкованной доске, без пробы солили, неустанно крахмалили и морозно проветривали на улице.

Поскольку дамских прокладок и тампонов не было и в поmine, до начала конца СССР вату выкидывали, а марлю с бинтами приходилось перестирывать каждый цикл, но тогда мы не понимали, что это за белые полоски сушатся в коридоре.

Привычной теперь для чистых рук нежной туалетной бумаги советские учёные тогда ещё не изобрели. Существовала дежурная книга-газета — все товарищеские задницы и пальцы в свинце, чтобы граждане и ректально воспринимали «Капитал» Карла Маркса, и региональные новости с письмами трудящихся в редакцию: «Здравствуйте, дорогие товарищи! Пишет вам рабочий коллектив...» Мне никогда не забыть хруста рвущихся, а затем трущихся между собой комком страниц.

Туалет от родной комнаты находился неблизко, и ночью пробираться туда было жутковато. Младший брат сильно переживал по этому поводу. И в коридоре для антуража горела вечная лампочка Ильича, — электричество почти даром, как и голубой газ, — она подсвечивала жёлтым глазом припаркованные у первой комнаты сапоги тёти Вали, куда Серёжа, равномерно распределял нужду, остерегаясь заворачивать в тёмный туалет. Тётя Валя сливала Серёгины ссаки уже на проходной завода. Женские сапоги в те времена считались

демисезонным предметом роскоши в единственном числе. Отзывчивая матушка выслушивала её сочувственно, с пониманием, но от очередного проступка не смогла сдержать слёз смеха.

Повторюсь: нас проживало до двенадцати человек на совместный душ и унитаз, а писать (ударение поставь сам) в собственном подъезде для советского ребёнка было ещё невообразимо по-свински. Я был коротковат и потому не мог ещё совершать поистине мужские поступки в раковину.

И, не сбавляя скорости, залетаю в подъезд, словно сквозняк, плечом распахиваю коммунальную квартиру. Дёрг туалета — занято. Дёрг другую дверь — и я в ванной, где происходит омовение соседской девочки Лиды. Терпеть не было мочи. Я стал облегчаться в набранную ванну с пенкой, и звук льющейся воды только подстёгивал меня не прекращать начатое. Лиду это *шикАрно* удивило, и она стала «ИстерИчески» звать матушку. Мама Валя в этой ситуации уж точно была не нужна. И я направил «ствол» на Лидку. Грудь у неё ещё не планировалась, поэтому целился ей в голову. Звук голоса у Лиды пропал вместе с даром речи, и мы досматривали, как я писаю с пенкой в ванну. Тётя Валя з@пятыми обогнала скорость звука в радиусе трёх этажей, причитая, что мы с братом обоссали ей всю жизнь! Дай бог соседям здоровья!

Сосед Дрепа

Андрей — лови голубей! Сын моей крёстной мамы. Этот персонаж хоть и не жил с нами в комнате, но был для меня:

соседом, соучастником, коллегой, подозреваемым, ровесником и до сих пор остаётся лучшим другом. По национальности Дрепа больше походил на чеченца, чтобы он там в детстве ни выдумывал. Я никогда не видел русских с такими носами. Тем более что много позже вместо привычного пионерского лагеря, — где я по ошибке вручил на хранение своё сердце одной привлекательной голубоглазой персоне, — мы ездили к его родственникам в Грозный.

Андрей изначально прилетел на Землю в «спортивном аисте»: он был могуч и везуч. Бог даровал Андрюхе бесконечный уровень здоровья, который сосед безбожно трагил, когда: горел, взрывался, ломался, разбивался и кололся. Именно последнее занятие помогло ему открыть талант химика в себе, и к сегодняшнему дню полностью растерять зубы. Наркоман-энтузиаст, Дрепа всегда мог удивить друзей: — на спор, незадорого — попробовать острейший перец, проверить на себе действие электрошокера, или что-нибудь украсть. В других главах опишу, как в нём уживались: храбрость, исполнительность и героин. Дай бог ему, беззубому, ещё здоровья!

Родители

Мои родные мама и папа, как и все вокруг, работали на ЛЛМЗ. Отец — шофёром на автобазе, которая распространяла колёсные пары по самой огромной стране в мире. Сколько себя помню по садику и школе, отец вечно был в этих важных для родины, да и для него самого командиров-

ках. Творческая мама, если ты не запомнил, всё вкусно готовила, изъясняясь конкретными матными з@п@ными, что быстро помогло её карьерному успеху: на кухне, позже в Кремле, а затем и в печально известной гостинице «Россия». Трудолюбивая мама отдала ей лет двадцать жизни. В подчинении у Веры Дементьевны находилось минимум двести человек в фартуках. И все эти две сотни голов в поварских колпаках она легко могла прополоскать з@п@ными. Мой младший сын — в будущем — быстрее, чем стихи, выучит все аморальные бабушкины словечки.

Хотя целеустремлённая мамуля — повар по призванию, дома она готовила редко. Мамино коронное блюдо я тебе сейчас напечатаю с красной строки.

Варёные кальмары, обжаренные с луком, яйцом и креветками. Подавалось с домашним майонезом. Сейчас «коронку» исполняет уже мой повар, а всё необходимое плавает тут же — в океане.

Вечно заботливая мама оттянула локти ниже колен тугими авоськами, подкармливая всю коммуналку и родственников, когда с продуктами в стране были проблемы, точнее, уличные живые километровые ожидания всего подряд. Резко стало нечего жрать в самой огромной державе! Очереди, талоны, очереди, бескрайние очереди, кто за кем занимал — скандальная тайна...эх! Но тогда мы нуждались только в прямоугольном хлебе из автолавки.

Всенародные праздники из года в год отмечались за сдви-

нутыми плечами кухонных раздвижных столов. Мама-та-лант готовила на весь класс, если случался день рождения мой или братика: селёдка под шубой, оливье, орешки с варёной сгущёнкой, котлеты. И по сей день — как бы далеко я ни находился от Гринвича, — мама с крёстной по старинке празднуют моё зимнее появление на свет.

Любимая Мама Вера! Вы нас с братом так фанатично обо-жаете, что всегда жертвовали собой. Целую жизнь в труде вы положили на алтарь к нашим ногам в виде бесконечных про-дуктов, коммунальных счетов, уголовных судов и бессиль-ных слёз. Спасибо, родная! Ещё до того как явился через вас и продолжу, как умру, — я люблю маму.

Но так неправильно! Дети взрослеют. Самостоятельность возвращает такое жизненно необходимое чувство ответ-ственности. Каждый птенец обязан попробовать улететь из гнезда или разбиться. Понимаете? Мы грелись у тёплого комфортного очага тридцать лет. С младшим сыном вы мно-гократно лечились в реабилитационном центре, отсидели раз-зок в тюрьме, а со мной отслужили в армии и лежали в боль-ницах. Пишу вам этот беззвучный бунт и снова чувствую се-бя писклявым мальчиком перед всеми теми мамами, кото-рые выплакивают и выбрасывают своё счастье ради детей: оплачивая ипотеку, кредиты, забывая холодильник продук-тами и решая за них уже совсем недетские дела.

Батя

У отца из козырей был большой, широкий, высокий КА-

МАЗ, куда он подсаживал нас с братом и соседскими детьми, если путь-командировка от завода была недолга. Прежде чем тронуться в «пункт Б», батя удобно вертел на животе раскладные бумажные карты с названиями трасс и ныне сгинувшими деревнями-ориентирами. Именно тогда за попытками отыскать единственно верный путь отец невольно заразил меня тем, чем и сам болел: в даль ускользящей дорожной полосой.

На комфортабельном спальном сидении КАМАЗа, мы ощущали себя, словно в цыганском бизнес-классе. Панорамное окно, куском чёрной резины разделённое на два, было с кучей болтающихся вокруг себя стимулирующих вымпелов, кричавших о достижениях советского времени: «К борьбе за дело коммунистической партии будь готов!», «Ударники социалистического труда», «Лучший рабочий...осеменитель, строитель, штамповщик, коллектив, завод» и прочее красное. Пока плелись в горку, я успевал всё-всё рассмотреть и заснуть, а просыпался, когда мы с захватывающим дух визгом, подобно снежному кому, разгонялись с горы.

Ресторанов и супермаркетов у каждого перекрёстка ещё не водилось, и батя сам припеваючи готовил обед на всю колонну, прямо в зелёной кабине КАМАЗа, припарковавшись у водоёма или в тени берёз. Отцовская газовая конфорка под чугунной сковородой с раскалённым подсолнечным маслом или с тушёночкой, придавленная пудовой крышкой, выдавала мишленовские шедевры. Тушёная говядина с подливкой

к макаршкам, котлеты на скору руку или нежная курочка с пюрешкой плотно ассоциируются у меня с отцом. Пишу и непроизвольно скатывается слюна на бумагу.

Чтобы пиксельнее осознать рай коммунальных квартир и мой молчаливый конфликт, напечатаю, что в пять или шесть лет, когда дети начинают осознавать не только свои гениталии, я отчётливо понял: мы с братом спим вместе на одном диване, а мама и папа почему-то на разных местах. Я на физике чувствовал, как в комнате не хватало семейной нежности, тех поцелуев вкуснее горной воды, обнимашек теплее золота. Всего того, из чего складывается супружеское счастье, транслируемое на детей.

Во всём доме жили только три семьи, где отцы играли с детьми в мяч. И я не видел в соседских комнатах полноценных ячеек общества для сравнения, а спросить было не у кого, да и неловко. Оставалось тихо вздыхать. Никто на эту тему не разговаривал. Все работали. Если бы не матушкина гиперлюбовь и безустанная опека — так и зачах бы совсем без внимания.

Треугольник

Мы только выглядели семьёй, как в чистой зубной рекламе: четверо без кариеса — в одном зеркале. Понарошку. Жили в комнате с официальным отцом, а детство праздновали с другим. В значимые для детей моменты — в первый класс на линейку — меня, а потом и Серёжу, провожал Андрей.

По-дружески он развозил и забирал нас по многочислен-

ным спортивным секциям Москвы, куда бы мы ни пожелали. Мамин ухажёр подробно объяснял маршрут: что где находится, как доехать. И вот так, незаметно для нас, отец Михаил превратился в пузатого соседа, который выгодно для всех катался по командировкам. А мамин любовник постепенно стал для нас с братом взрослым другом.

Право вето, финансы и ключи от самозаполняющегося холодильника находились в авторитетных маминых руках.

С отцом всё было стабильно. Он получал зарплату под личную подпись привязанной синей шариковой ручкой в заводской кассе и передавал деньги — уже без росписи — в ответственные мамины руки. После чего шёл на свою парковку для тела в мультикомнате.

Я не помню родительских скандалов. В своём отгороженном углу батя полностью погружался в толстые фолианты, прячась между строк — от действительности и каких-либо хлопот. Наверняка он многое узнавал из книг, но на трезвую голову никому и ничего из этого не сообщал. Если выходило так, что он возвращался с завода поддатым, то ложился спать, не читая.

Батя был человек совершенно бесконфликтный и безэмоциональный. Вместо детских питательных похвал он часто повторял мне:

— Куда тебе, такому рахиту, карате?!

Отец, я искренне благодарен тебе! Своей пассивностью ты наглядно показал мне, как не должно действовать, когда я

сам стал многодетным отцом.

И я хотел бы сразу стать примером — добрым, крепким, надёжным, щедрым, ласковым батей, знающим ответ на неожиданный вопрос — для каждого из детей с ранней поры. Но по любым причинам я никогда не был рядом с детьми. Как и ты — с нами. Как бабушка — с тобой. Как прадед — с дедом.

И если я не разорву этот порочный круг, то и мои внуки вырастут без отцовской любви.

Отчим

Отчим Андрей — худая противоположность отца Михаила. Ты более заботливый, рукастый и смиренный, чем кто-либо в моей жизни. Андрей часто приходил в гости и никогда — без подарков. В то время как папа катал колёса для советских поездаты поездов по асфальту. При любой возможности, с тремя искренними улыбками, Андрей увозил: мамулю-красотулю, брата, меня — скорее к Чёрному морю!

На детских цветных фото, запечатлённых на фотоаппарат «Зенит-8», мы всюду сушим зубы и дёсны от счастья.

Андрей — золотые руки. Он с ювелирной точностью ремонтировал всё, что могло с треском разрушиться — ещё до поломки. Это уникальное свойство маминого любовника со временем оценил даже батя.

У отца Михаила никогда ничего нечем было чинить, зато он обожал стряпать. А Андрей не умел делать только три вещи: готовить, выражать эмоции и принимать роды.

Когда появлялась очередь, он не спрашивал «Кто крайний в этом аду?». Андрей стоял в ожидании настолько удобно, что граждане обходили его без извинений несколько часов подряд. Местами я сам шевелил социальную жизнь вокруг, если мы ждали вместе.

Долгое время отчим проработал водителем генерала МЧС — и тоже считался удобным человеком. Где его посадишь, там и найдёшь. Мы с братом от такой удобности чувствовали себя неловко, когда добрая мама с командирским психотипом при других людях распоряжалась любимым мужчиной, будто приложением на телефоне: могла выключить, поставить на паузу или стереть весь кэш.

— Вы не говорите папе, что Андрей с нами в парке гулял!

— Хорошо! — радостно отвечали мы маме. И с порога хвастались отцу про чудесные подарки от взрослого друга.

Шри-Ланка. 2024 год

Рассвет — многогранный миг, когда всё живое готовится проснуться с первыми лучами экваториального солнца. Длинные нерасчёсанные листья пальм едва набирают свой естественно-приятный зелёный цвет, а коэль, качурки, зимородки, щурки, и другие удивительные птицы только-только чирикают о том, кому что снилось под полной Луной.

Босыми ногами по кафельному полу я украдкой семеню к кровати младшего сына — Акима. Хочу стать сегодня первым, кого он увидит, открыв свои — точь-в-точь как у меня — голубые глаза, ещё без крапинок разочарований, полные

любви и светящиеся радостью новых впечатлений.

Я глажу его по белокурой головке, передавая всю отцовскую любовь, на какую сегодня способен, и желаю ему счастливого дня. Сын целует меня в ответ. Обнимаю Акима, как единственного друга, которого не встречал с гибели брата.

По-честному делюсь: с папой у меня такого не было никогда. Ни меня, ни брата никто так ласково не будил в школу. Всех пробуждала сирена из недр завода ЛЛМЗ и гнала на работу. Трудящиеся люди не без удовольствия разменивали своё личное счастье на коллективное.

Папа просто забывал обнимать нас с братиком, а затем мы подросли — и время ми-ми-шностей было упущено. Усатые бородатые мужчины в нашей стране прижимают друг дружку без энтузиазма. Душевная ностальгия до сих пор напоминает обо всём невысказанном вслух — между сыном и ныне покойным отцом.

Благодаря различным практикам, описанным в книге и ставшими частью жизни, спустя сорок лет опыта, я восстановил добрые отношения со своим родом, который невидимым легионом тянется за мной сквозь тысячи лет. Через неэлектрoфицированные столетия темноты, наполненные войнами, казнями, эпидемиями, голодом, репрессиями — чтобы хоть я прожил Человеком, а мой опыт стал благодатным удобрением для всех, связанных одной кровью.

Брат

Разница между мной и Серёжей — полтора года. Не знаю,

как у других братьев, но в начале весны жизни мы только и делали, что дрались и соревновались, кто же круче. Замечал, как играют между собой летние бабочки? Опасно сближаются, маневрируют, в последний момент порой садятся друг на друга или переворачиваются в воздухе на несколько оборотов, — и всё равно остаются друзьями до конца отведённых им дней. Так же и мы.

Я был тощий, словно обоз разочарования, а брат — упитанный, как буржуазия. Однажды он с явным удовольствием осилил все порции запеканки у однокашников в детском саду. И когда Серёжа вернулся домой, расстроенная мама вызывала скорую, чтобы спасти его от смерти ради чревоугодия.

СССР был впереди планеты всей! Если я записывался на новый кружок, то тащил за собой и Сергея. Разносторонние секции (ДЮСШ) — бесплатно или «за пару копеек». Тогда пропаганда спорта уверенно крутила свой маховик, не жалея денег на здоровье нации.

Но брату, в отличие от меня, никогда не нравились кровавые виды спорта. Ему роднее — плавание, баскетбол, волейбол, а один раз он стал и агрономом. Серёжа вообразил себя фермером: полюбил выращивать зелень и овощи под окном, и с увлечением наблюдал, как они превращаются из сухих семечек в съедобные штуки.

Я был без ума от штанги, каратэ, ушу, бокса, самбо, кунг-фу, дзюдо. Дрепа почти всегда составлял мне спортивную

компанию, а дальновидная мама с удовольствием поддерживала моё физическое развитие.

Сейчас я понимаю, что искал в спорте то, чего мне не дали ни отец, ни мамин друг. Мальчика не воспитать мужчиной без однополого общества или наставника. Мудрые книги дают теорию, но не мужскую энергетику. Сложные победы, обидные поражения, радужные синяки, неожиданные растяжения, острая боль, бег босиком по снегу — всё это только делало меня уверенней и монолитней. В зале никто никого не жалел и не ревел. Тренер на два часа заменял всем ребятам отца. Я тянулся в такие места: за тёплыми мужскими чаепитиями, приятной усталостью после спаррингов, за разговорами с наставником в кругу равных по духу. Неважно, кому сколько лет — вот там я получал недостающую мне силу вместе с правилами рукопашного боя. *Маваши-гери, хил-кик, аго-учи, лоу-кик, апперкот*(названия ударов) и нокаут — в правильном исполнении выглядят впечатлительно, но нас ещё учили использовать главное оружие человека — мозги. А лучшей из наших драк станет та, что не состоялась.

Дальше напечатаю, как я учился этими ударами не разбрасываться.

Узнав новый приём, я шёл отрабатывать его с братом в нашем бесконечном коридоре. Становился в боевую стойку и кричал:

— «Бей меня!»

Сергей быстрее, чем сигнал 5G-роутера в наши дни, бьёт ногой в пах — *кин гери*(название удара в карате).

Через какое-то тёмное мгновенье и прерывистое дыхание, лёжа на красном деревянном полу, спрашиваю:

— Почему ногой, брат?

— Дык ты не сказал, как тебя ударить.

— Ну, да...

Хоть и спали на одном диване, а друг друга без слов не понимали.

В этом же коридоре, когда я был самоотверженно увлечён хоккеем, не заботясь о капе для будущих выбитых зубов, пока взрослые развлекались на заводе, мы пробивали хоккейные буллиты. Чтобы матч имел максимальное сходство и оригинальность, мы обували коньки. Вместо острых искр и льда у нас были деревянные щепки и осколки красной краски, разлетающиеся по бортам, покрашенным в синий.

«Люля» от соседей и разгневанной мамы ощущались как настоящие.

Бывали и интеллектуальные забавы. «Игра в короля». Один световой день брат — король, я — подданный. Несусь, как дикий кабан на манок, по любому зову: переключаю с Московского ТВ на Первый канал из Останкино, — закадровый голос ещё звучал на новой телепередаче, затем щелчок и — на Шаболовку, вместе с прежним напевом Останкинской мелодии. Брат-пульт. Я по братскому указу, выполняю домашнюю каторгу, готовлю, что пожелает. На следую-

щий день — «Да здравствует Алексей Первый!» Теперь я — сюзерен, а Сергей — вассал.

В Советах мальчиков и девочек воспитывали открытыми, дружелюбными, сильными и ловкими. Повсюду были прибиты плакаты про честь, долг, совесть, знания. Но о детской безопасности не задумывались.

С игровых площадок возвращались уже не дети. На миг зазеваешься или не так спрыгнешь, и угловатые металлические качели срежут твой скальп лучше индейцев Чероки. Деревянная горка с торчащими двухсотыми гвоздями запросто могла распороть ребёнка на две неравные части. Детские развлечения скрипели железно-деревянным счастьем, прочно сбитыми между собой загнутыми скобами.

Никаких мягких дорожек с резиновым покрытием. Грязные порванные вещи, стёсанные коленки и разбитые локти — вот наши членские взносы на площадку. Родители не учили бояться взрослых и незнакомцев с ранней песочницы. Никто ещё не справлял нужду в железной ракете. Никаких криминальных телепередач и фильмов ужасов по телевизору, даже после долгожданной программы «Спокойной ночи, Малыши!». Люди не боялись людей.

К нам в окно на первом этаже регулярно стучались случайные прохожие — просто попросить воды. Дети со двора с гусиным гомоном залетали утолять жажду в наш непересыхающий кран. На кухне для этого бессменно дежурила белая эмалированная кружка. Привычные в XXI веке пла-

стиковые ПЭТ-бутылки для хранения и переноса жидкостей ещё не были разблокированы Советской промышленностью, и граждане пользовались прочными многоразовыми: бидонами, банками и бутылками. Многомиллионная страна всего за одну копейку пила из единственного гранёного стакана в уличных автоматах с газированной водой. Носители великих идей, живя в общности окружающих предметов, ещё не умели брезговать друг другом.

Всё интересное с улицы мы тащили в коммуналку. Одной из таких живых находок стал попугай-пародист, который обвыкся через день. Зелёный успешно дублировал звонки: один — комната раз, два сигнала — наша мультикомната, три — в соответствующую. Он заставлял соседей срываться с мест и встречать невидимых визитёров. Матерных з@ня-тыхон знал больше, чем деликатная мама. Звали его, как и всех попугаев того времени, Кеша.

Вот тараканов никто не звал — они являлись безвыходной частью коммунальной жизни. Считай, рыжие соседи — только по столам, посуде, полу и стенам. Включаешь свет на кухне — и хрустишь тапочками по самым непонимающим, что время пиршества насекомых вышло. Главное — не поскользнуться. Мы с братом не стеснялись тараканов, для всех детей они были ещё одной общей живой игрушкой: их привязывали за нитку, устраивали тараканьи забеги, вставляли соломинку в... кхе-кхе место, отрывали головы, давили тапками или сжигали всех разом. Тараканы добывались

без пота. Чтобы собрать их плотнее вместе и заморозить на улице, я оставлял на полу грязную двухсотграммовую банку из-под майонеза. В крышке делал входное отверстие для рыжих. Стенки банки были настолько жирные, что тараканы не могли выбраться наружу. Хрусь!

Сколько себя помню — сперва во дворе, а затем и в жизни — мне приходилось объясняться за брата. Фразу «Это не Я — это ОН» — можно было сделать принтом на всех вещах Сергея. В шесть или семь лет — точно не вспомню — брат прибегает со двора и жалуется чувствительной маме, как его «ни за что, ни про что» хотят побить старшеклассники. Вера Дементьевна — женщина очаровательная, но, к сожалению, в детстве не получала никакой защиты от старшего брата и задумала культивировать во мне навык «заступник». Смелым пинком отправила меня разбираться за Сергея во двор — и продолжила заниматься домашним хозяйством.

Дата «тридцать лет» в детстве, когда сам ещё не выше цветов в клумбе, кажется каким-то недостижимо-старым сроком жизни. А парни старше меня на четыре-пять зим выглядели безусыми громилами. На игровой площадке у деревянной горки, дождавшись, пока верзилы насмеются, что «толстяк привёл рахита, а не брата», — глядя на них снизу вверх, я медленно, не спеша, издалека, потихонечку, строю с ними диалог. И так мирно разминировал конфликт, что они впечатлились таким поступком и бить нас не стали. С той поры все во дворе знали, что Лёха за Серёгу по-любому придёт

разбираться.

В советском уличном прошлом балаболов было минимум. Мальчики — разного возраста — отвечали за слова и поступки. Павлик Морозов не был у нас кумиром. Никто не станет с тобой иметь дела, если «водичка во рту не держится».

Подвал чудес

А теперь давай спустимся в бомбоубежище нашей коммунальной вселенной. Благо, оно никогда не использовалось по назначению, а трансформировалась в зал пота, который отличался от современных фитнес-клубов, как богатая походка от бедной поступи. Вместо TV-панелей висели плакаты: Брюса Ли и *Арнольда Сталоновича Ван-Дамова*. Удобнейшие десятилитровые эмалированные вёдра, наполненные песком и навечно фиксированные самодельные ручки использовались вместо гирь. Спортивные блины, грифы, штанги, скамьи и многое другое — металлолом. Весь инвентарь был собран на изобильных советских помойках. Единственное, чего мы не смогли самостоятельно отыскать, это дивана. С такой проблемой я подошёл к старшим товарищам со двора. Они раскололи мой мир частной собственности на два, решив этот сидячий вопрос в три шага.

Первым делом дружно переоделись в тёмно-синие халаты с нагрудным карманом у сердца, точь-в-точь как на уроках труда, и отправились в парикмахерскую. Зайдя в этот полный людьми Дом лишних волос, старшие товарищи попро-

сили всех граждан, ожидающих полубокса, бобрика, ёжика, и модельных стрижек, стоимостью до сорока копеек, встать с дивана, потому как он уходит на ремонт. Никто даже не возмутился.

Подобно ланкийскому пауку-птицееду, томно поскрипывая в такт шагам, прочно расположившись на восьми руках, софа-диван вызывающего цвета с затёртой седалищами поверхностью и двумя полированными подлокотниками — через весь микрорайон транспортируется в зал пота.

С тех самых тренировок и до сего дня у меня короткая стрижка. Подвальный спорт показал и многократно доказал, что носить длинную гриву невыгодно в той жизни, для которой я подготавливался. За патлы хватить — и темнота наступает мгно...

Постепенно пот зал переформатировался в видеоподвал. Тогда ещё никто не задумывался о франшизе от американской «Фабрики Грёз». Весь перевод осуществлялся в один дубляж — через нос диктора. Гайморитная речь его была привычна во всех популярных боевиках тех лет, но на самом деле переводчик специально зажимал нос и менял голос, чтобы КГБ не вычислило шпиона (байка).

На объёмном экране лампового телевизора с деревянной четырёхсторонней окантовкой, стоящего на укрытом клеёной столе, по самопальным проводам, подключенным к внушительному чёрному видеомагнитофону, шёл сигнал, представлявший советскому взгляду нечто невероятное для ты-

сяча девятьсот восемьдесят шестого года. Все двадцать деревянных стульев были так увлечены Большим Американским Кино, что даже не скрипели. Вход стоил целый рубль, но оно того стоило.

Сейчас можно в два клика посмотреть, как живут люди в какой угодно стране. Удивить видосиком друга уже не так просто. Человек с помощью интернета может: окончить сотни институтов у себя дома, узнать, как собрать ракету в комнатных условиях, побывать на концерте любимого музыканта без билета, угадать погоду без шамана. Для нас придумали тысячу способов зарабатывать через плоский экран деньги. У каждого хозяина смартфона узаконена возможность лицезреть привычный криминал, дорожные катастрофы и искусственную грудь. Из шлема солдата наблюдать онлайн-войну в странах, где действует подписка. Быть немым зрителем бомбардировки зданий с гудящего дрона-камикадзе, находясь в любой точке планеты, выпуская изо рта слюну удовольствия перпендикулярно клавиатуре. С помощью СМС-донатов в онлайн-режиме (стрим) владелец камеры выполняет для вас любую грязную прихоть, хватило бы денег и фантазии у подписчиков. Рай и Ад в прямом эфире — за ничтожную абонентскую плату.

Тогда американцы были врагами, технично заселёнными в умы сотен миллионов людей. Всё, что печаталось в газетах, как чревоуещало из телевизора, не подлежало сомнениям никогда. Между СССР и США гонкой ядерных ра-

кет с комфортабельных трибун под бурные аплодисменты на головы землян пуржила «Холодная Зима». Разгоняли этот «искусственный снег» сами американцы, чтобы оправдывать немирные расходы на военный бюджет. Советский Союз последним узнал, что стал Империей Зла. Но Империя, в отличие от «дядюшки Сэма», никогда не использовала ядерное оружие против солдат и мирных жителей. В Советах, после проверки на политическую цензуру, планета Земля представляла себя гражданам через отфильтрованные: буквы, радио, телепередачи, — и только слухи были немного похожи на правду.

В кино мы верили в каждую мелочь о заморской жизни! Какой у этих янки быт?! Едят ли картофельную пюрешку с котлетами? Гороховый суп? Какую музыку слушают? На ламповом экране «Рубина» после «12 стульев» и «Тихого Дона» транслировалось настолько непостижимое, что неокрепшие советские умы перегревались. До этого никто не хотел стать ловким ниндзя, пастухом-ковбоем, справедливым Робин-Гудом, кровавым Рэмбо или бесшумным киллером. Брюс Ли бил человека одной рукой восемь раз в секунду! А какие звонкие пощёчины он раздавал ногой? Ки-Я! Замотивированный примером, я разгорелся идеей сесть на шпагат. И, научившись, однажды, сидел параллельно полу меж двух стульев, когда весил слегка за центнер!

После внедряемых кино образов, мы с Романом, Дрепой и другими друзьями, все на мандражах, плотно фиксируя на

голове шапки-ушанки, переодевались в клетчато-пальтовых ниндзя различных оттенков и бегали мстить воображаемым врагам по пустырям и стройкам Капотни, втыкая металлические обрезки в деревья. Мастерили перочинными ножиками: нунчаки для шишек на лбу, палки-убивалки для ярких синяков на теле, и бумеранги-невозвращенцы. Но тот рубль за вход ещё надо было отработать.

Деньги нам с братом пока не пересыпались из чужих карманов, так что приходилось убирать комнату, тягая тяжёлый пылесос, алюминиевый таз, и стараться наперегонки проехаться на швабре по коридору и кухне. Если бы не видеосалон, нам пришлось бы делать то же самое, но бесплатно. Мамуля-командир бывала убедительна в своих домашних заданиях.

За оценки никто не платил, но и не ругал. Пришёл из школы, самостоятельно поковырялся в носу и тетрадке. Готово! Ведь уроки задавали детям, а не советским родителям и пенсионерам после их стахановских смен на заводе.

Каждый день экономная мама выдавала по пять копеек на вкусные булочки в школе. И если удавалось в обед у кого-нибудь укусить ватрушку или рассыпчатый коржик в течение трёх дней подряд, то мы с братом берегли мелочь, чтобы на следующий нетерпеливый день купить по настоящей жвачке с фантиком «Дональд Дак»!

По разъяснительным советам маминого друга Андрея, для этого нужно было двигаться около часа с одной пересад-

кой в глубоком метро и двумя сменами автобуса — на Рижскую площадь, найти там любого в достаточной степени чернокожего и сказать: «Хай! Бабл-гам!»

В ответ спекулянт проделывал цигунскую восьмёрку красными губами, ловко маневрируя бантиком под широким чёрным носом, будто полирует белейшие зубы, тем самым подтверждая бартер.

В первую встречу я даже попросился потрогать этого кучерявого дядю за руку, потому как спутал его с персонажем из чёрной-чёрной сказки в чёрном-чёрном городе... У африканцев в карманах всегда были сладкие жвачки по пять копеек. В те времена существовала уголовная статья 164, пункт 3 — за приставание к иностранцам с целью приобретения вещей (с конфискацией товара и штрафом). Это позднее Закон и Порядок перешли на коммерческие рельсы, и чернокожие начали продавать уже героин, но о том — потом.

Десять копеек и два с лишним часа в обе стороны отнимала дорога. Итого: три дня недоедания и пятнадцать копеек для головокружительного детского счастья. В школе октябрюта завидовали такому приобретению. Через несколько дней я по-братски сбывал жёваную жвачку другому пионеру — лишь за одну копейку. Ему даже ездить никуда не надо! И товарищ счастлив — жёванный денёк, и мне — кешбэк. А на фантики потом играл с ребятами, которые мечтали собрать коллекции. Но не брезговал и лупиться на марки или цветные шарики.

Фантики «Turbo» с изумительными машинами, «Love is...» и картонные фишки начались, когда я уже собирал чужие деньги.

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Деревня

Мне кажется, что лето в деревне — монолитная часть личностного становления советского ребёнка. Железнодорожный билет на отдых стоил дешевле детских слёз. Цены на привычные товары не менялись десятилетиями: шоколад «Алёнка» — 50 копеек, эскимо на палочке в чёрной глазури — 22 копейки, спички — 1 копейка, молоко в бутылке — 28 копеек, водка — 3,62. Когда съезжались всей роднёй к маминой маме Мане, я и представить не мог сорок лет назад, как в близком будущем у меня появятся семнадцать племянников, троюродные внучата. А 3720 граммов и 54 сантиметра, выбравшиеся на ласковый свет 24 сентября, сделают меня весёлым дедом Льву Антоновичу. Дай бог здоровья всем родственникам!

До третьего класса мамкина деревня стала нашей с братом зоной экспериментов. Хорошо, что уцелели.

Дом у бабушки был полностью построен из сруба, — такие избы не гниют, не портятся, держат температуру, — и был самым большим на селе в Смоленской области. Причиной тому был её муж, дед Дементий: помогал он всем, кто бы его ни попросил, потому как работал лесничим. При жизни Дементий вырастил тысячи деревьев. Одна рука у него, кстати, не работала после войны, точное описание будет: культя.

Но сам дед Дементий дискомфорта не замечал.

До Великой Отечественной войны он работал в тюрьме поваром, где как раз мотала срок бабуля. Раньше сажали даже за шутки. Зачали мамкиного брата Диму и родили его не в Аргентине, а в зимнем бараке исправительного лагеря. И когда бабушка освободилась, дед поехал за ней с сыном и взял её фамилию, специально потерявшись от прошлого в пыльных архивных папках, двоюродная сестра до сих пор не собрала о нём достоверной информации.

Сама бабушка Маня партизанила во время Великой Отечественной войны и, по условиям тех лет, без ГЛОНАСС знала все леса и болота вокруг. И даже показывала, где утонул немецкий танк — но я оставляю эту информацию детям на светлый день.

Бабушка Маня обучила нас с Сергеем, как добывать жизнь у леса: стоит ли собирать именно эти грибы? Какую кору с деревьев можно есть? Как нужно пить воду из лужи, чтобы без последствий? Как ориентироваться на местности без компаса? Я навсегда запомнил, чем разжигать костёр без спичек и как «доить» берёзу. Она показывала памятные землянки, осыпавшиеся окопы, — и это был лучший парад воинской славы, героизма и терпения людей, который я когда-либо посещал.

Когда поколение землян выживает после Великой Войны (априори с искалеченной психикой), им уже невообразимо представить, что кто-то добровольно захочет пережить по-

добное в будущем. Но старики уходят — и через пару поколений, война становится словом с маленькой буквы. Или слоганом на заднем стекле автомобиля: «Можем повторить», «На Берлин!», «Спасибо деду за Победу!» — и никакого сопутствующего ассоциативного ряда в виде руин, скорби, тревог, слёз, потерь, потерь, потерь... горя и бесконечных похорон близких. В бескрайней державе не существовало человека, кого бы не коснулась Война, забравшая двадцать семь миллионов сердец и умов. Раньше-то ни парада, ни выходного не было на 9 мая. Все уцелевшие проживали свои воспоминания без эгоистической гордости, поминая друзей.

Зато война по-прежнему хранит металлические доказательства под землёй — в виде ржавой боевой техники, ненайденных героев, потерянных орденов, невзорвавшихся снарядов, стреляных гильз, различного оружия и терпеливых пехотных мин. Ещё до моего рождения в «лепёху» наступила соседская корова — и оказалось, война убивает и в перемирие. И бабушка Маня содержательно рассказала нам, как поступать, если найдём что-то подобное под ногой или зацепим снаряд лопатой. А если моментально не подорвёмся, то она придёт и добьёт нас с Сергеем.

Бабуля наверняка ещё до того, как навсегда повязала себе на голову яркий цветастый платок, была опасна с кнутом и для немцев. Этим же хлыстом в воспитательных целях любезно отхаживала и меня, и брата. Не как врагов, а как родных. За это ей мужской поклон в землю. Невзирая на гроз-

ный нрав, мы её сильно любили. И прямо пропорционально — не слушались.

Хозяйство у бабули огромное: свиньи, козы, коровы, лошадь, утки, куры и гуси — нет им числа. Гектары огородов и ни одного трактора. Хотя дед и рано умер, она справлялась почти самостоятельно, рассчитываясь с деревенскими мужиками самогоном. Лишь пару раз она попробовала использовать самый дешёвый — детский труд.

Огород в умеренных количествах продлевает жизнь тем, чья молодость увядает, их заботливые руки инстинктивно тянутся к природе, созиданию. Старики, возделывая борозды земли и кряхтя, разглаживают морщины на своих довольных лицах. Тот, кто присел встречать пенсию на диване, быстрее встретит апостолов. Ребёнку же интересно изучать животворящий процесс вокруг себя, никак его не поддерживая, а иногда без раскаяния целенаправленно разрушая.

Алексеем завладевала трясучка, а Серёжу «бил Кондратий» от вида бесконечных бабушкиных картофельных полей, где много-много летних дней придётся собирать колорадского жука, и делать прочее, что требует не разгибать спину, — гектарами. Я не видел краёв бабулиных полей. Мы недоумевали: кто же съедал всю эту картошку за зиму?!

Брат решил задачу без решебника, единожды скосив штыковой лопатой сопутствующую картофельную «атрибутику».

Когда наши узкие спины немного восстановились от участливой «благодарности» бабы Мани, мы сговорились ей

по-настоящему помочь, — наломать дров. Для этого мы взяли экологичную пилу «Дружба-2» и совершили поступок не юнцов, но мужей. А дальше — с бабушкиных слов.

«Пока свиней накормила, пока курям дала, корову подоила, коз привязала, внукам блинов напаяла, огурцы и помидоры молоденькие напоила — умаялась. Села, думаю повяжу, пока все сыты. И заканчиваю столбик с двумя накидами, как интуиция распереживалась. У меня же чуйка с войны осталась, если бядя рядом — сердце ёкает. Дай-ка, думаю, москвичей своих поищу, а то «набядокурили» чего, охальники, и притихли. Выхожу на крыльцо и ахаю! Мои вы кровинушки! Дрова мне пилят, сидят на пеньках, стараются. Я уж думала сосед Васька управится за литр первача.

Надо срочно вареники с вишней на всех лепить! А уж подслеповата была и тогда, но всё своё-то всегда увижу. Телега у меня добротная, ещё дед мой, Дементий, живой, своей рукой «смастерил», борта приколотил, колёса деревянные с колхоза прикатил. Конь наш, Буцефал, телегу за собой таскал, то с сеном, то с картофелем, то я с неё молоком в селе торговала. А тут глядь на двор — нет телеги. Обувая калоши на следки, спускаюсь с крыльца и спрашиваю сперва у младшего:

— Телегу-то куда дели?

Серёжа истуканом смотрит на Лёшу в другом конце пилы. Алёша тычет пальцем на дедов дровник и заявляет:

— А всё, Ба-а... Мы её того! Приготовили для печки, только колёса остались, мы их вон туда прикатали, за коло-

дец!

До этого, я в упор их не замечала. У меня аж катаракта с глаз сошла!

Ох, уж как я хлестала их нагайкой-то по всему двору! Бью их, охальников, а у самой сердце тужится. Решила привязать внучков к столбу в курятнике, пока не остыну. И, по правилам военных лет, спиной к спине, уздечкой от лошади связала им руки восьмёркой вокруг столба. Задвинула сарай на засов, пусть уму-разуму наберутся у кур. Ну, надо же додуматься до такого! Так весь дедов дом можно распилить на дровник! Да, связала их, видно, жалеючи: высвободились, и самый тощий выбрался через куриный лаз, отпер засов. И снова, как ни при чём, пошли на рыбалку, охальники!»

В другой раз мы с помощью нового навыка разожгли костёр без спичек — на сеновале, чтобы испечь картошки для всех деревенских домов по соседству. Эта детская идея тоже была отвергнута с искрами от бабушкиного хлыста. И если бы не бабулина подготовка, я бы точно не прошёл всё то, что мне суждено.

И даже тогда, когда мы пытались особо не помогать бабе Мане, всё равно натыкались на кнут. Кобылы в советской деревне встречались чаще, чем мотоблок сейчас. Заметил неподалёку бесхозную лошадь, и мне пришлось в голову взять и прокатиться на ней без седла, — больно уж красивая кобыла, в яблоко. На детский взгляд, такое занятие может показаться проще, чем дать понюхать писюн собственной соба-

ке... Сел да поскакал. Но я был ещё мелковат, чтобы без посторонней помощи запрыгнуть на лошадь, и попросил летнего друга посадить будущего ковбоя. Я забыл договориться только с кобылой, которая резвым прыжком в одну секунду развернула две подковы на меня и... Залп!

Спасибо, забытый летний друг! Резким толчком в плечо он спас мой анфас, но лошадь таки успела лягнуть одним копытом в недоразвитую грудь. Я выдохнул из себя саму нить души, пока летел метра три, как сложенный вдвое чемпионский лаваш по прыжкам с места. По возвращении на землю меня парализовало.

Конечности мои, к счастью, отказали не навсегда, а едва лишь на четыре часа. За это время успело беспокойно стемнеть.

В любых трагических детских случаях печальным остаётся тот факт, что тебе дома достанется ещё и от родных. Вроде как выжил — зазря. Слабенько перебирая ногами, мы потихоньку двинулись на голгофу. Беспокойным ночным зрением бабуля вычислила нас на подходе к домашней позиции, и с кличем «Я вам щас покажу, как нервы мне «тряпать», охальники!» атаковала нас хлыстом с правого фланга, словно картечью. Друзья, разрушив строй, в панике отступили. Пока я сумел объяснить и не смог убежать, пропустил связку комбо-ударов кнутом, и уже после гортанных моих оправданий, партизанка баба Маня превратилась в Деву Марию.

О Боге я узнал от прабабушки Анастасии, в той же в де-

ревне, при её жизни. Вместе с прадедом Антоном — почтенные, велико набожные люди. В их время коммунизм и труд были популярней церковей, и мы никогда не видели храма изнутри, но в доме находилась отдельная комната, вся заставленная иконостасами. Прабабушка Настя молилась неустанно, открыв мне, что всяк и есть ходячий Божий дом.

Абсолютно неважно, по какой дороге я движусь. И каков храм внутри, таково отражение внешней жизни. Думаешь, все злые обманщики? Будешь встречать подлых лгунов. Считаешь, что ты всегда прав? Станешь виноватым без вины. Всякий путник, — говаривала она, — это посланник Бога. И если я вижу в Человеке только одёжку, звания и должности, я никогда не познаю истинную Любовь.

Что это такое в детском соображении, я ощутил там же, в Смоленской области. В том юном возрасте, когда девушке не нужны: выпученная грудь, нарисованные брови, громоздкие ресницы, пухлые губки и длинные ногти, чтобы очаровать парня профессионализмом своего косметолога. Та пора ещё детской обворожительности, когда хватает: неумытого лица, девчачьей застенчивости, искренней улыбки, пары красных бантиков и честной тишины. В таком молчании: никто не микрофонит и не перебивает, не доказывает с горячностью и не отвергает с поспешностью, — другую правду, никто не мечтает о деньгах, квартире или зимней резине. Сложись любовь, и книга не прожила бы вместе с опасными страницами, если бы объектом увлечения не стала средняя двою-

родная сестра — Ирина. Родители строго заявили, что мы семья не «Ланистеров», и нам придётся разлюбиться, оставить мечты о собственных детях в зародыше, хотя было ещё достаточно неизвестно, в какой смородине искать любых детей. И я, и Ира горько плакали на детсадовские фотокарточки друг дружки, когда получили отказ в родительском благословении, но сохранили добрые чувства и по сей день. Да, сестра?

Сам секс со временем становится естественным занятием для каждого землянина. Как десерт. На кого не взгляни, максимум в пятнадцати лет, оба пола знают, как выглядит член и куда им пользоваться, находясь в одиночестве или с девушкой. Но вести разговоры про секс в моей культуре неприятно-волнительно даже с партнёром, а с детьми ещё и криминально-подозрительно. Так что про недостающие оргазмы слышно только на семейном скандале.

Мои родители тоже не знали, как выговорить ребёнку, которому двенадцать лет, слова ЧЛЕН и ВАГИНА. Сообразительная мамулечка, пунцовая от смущения, протянула мне своими красивыми ручками книжку без названия.

— Лёша, прочитай! Тебе обязательно необходимо!

Бумажная порнушка или «инструкция к члену» в некоторых местах написана от руки, кое-где косо перепечатана машинкой, книга из листов разной длины, якобы для какого-то президента, размноженная кустарным путём из пары оригинальных экземпляров.

Серая библиотека из множества отечественных и зарубежных книг, гуляла по любопытным советским глазам, копировалась и подпольно передавалась из рук в руки, подогревая к себе интерес, словно тайная печатная реликвия — самиздат. Всё, что не разрешено к печати в Советах, — запрещено.

Я с энтузиазмом прочитал этот талмуд и всё понял! Когда пришёл момент пустить тело в тело, я теоретически знал, где искать «Б» — сверху, над тем местом, наподобие Триумфальной арки — портал, откуда каждый человек стремится выйти с недоверчивым воплем. Но мне понадобилось два десятилетия, чтобы окончательно убедиться в конкретном местонаслаждении «Б».

Старший сын подошёл к процессу проще, спросив у меня в лоб:

— Папа! Что с «ним» делать?!

Я рассказал ему всё, что знал. И, вопреки мне, сын не разменивался на катастрофически-сексуальные купальники, а с первого раза взаимно влюбился и счастлив, читая эти самые строки и качая своего первенца. Моя гордость за тебя, сын, выше бесконечности.

Шестилетнему Акиму я уже рассказал, что ему предстоит делать красивых детей, а не чесать писюн и ковырять в носу.

А вот с красавицей Аней такого разговора не получилось, дочь всякий раз выставляла впереди себя вилы непонимания, наточенные ей мамой.

Домовой

Со старшей двоюродной сестрой Наташей дружба в детстве выходила у нас кривая, неинтересная. Но зато с младшей мы были «братанами». Особенно после того, что пережили, когда баба Маня оставила нас на пару ночей, — сторожить дом, понадеявшись на детские обещания и *ссерьёз-
ненные* лица.

В старину на деревне, чтобы объявить отсутствие хозяина в доме, ворота подпирались палкой и обязательно открывались внутрь (снегом не завалит выход). У кого хата побогаче, ворота запирались на лопату или вилы. И всякий прохожий понимал: нет никого. Два дня бабушкиного отсутствия перевернули дом вверх дном, но я не о том.

В крайний вечер Серёжа пошёл ночевать к родне в соседнее село за шесть вёрст, чтобы избежать коллективного раскаяния за бардак, при виде которого у бабули непременно начнёт дёргаться в руке хлыст. Мы остались с Танюшкой вдвоём.

Легли спать, как привычно, в одноэтажной летней кухне. И просыпаемся оттого, что под нами кряхтит ручная пила. Зух-зух-зух-зу-у-ух. Я резко вскочил с дивана и давай топать босыми ногами по ковровым дорожкам на полу, будто в будущем — на рейве, приговаривая, чтобы прекратили, кто бы они там ни были. Пила утомонилась.

Вслед за этим, собака начала разрывать воздух своим хриплым слюнявым лаем, пропуская его через придавлен-

ный к горлу ошейник, прочно привязанная напряжённой цепью к основанию будки. Мы — к окну. Собачья алюминиевая кастрюля с одной оставшейся смятой ручкой без посторонней помощи серой юлой крутилась по земле, на безопасном от пса расстоянии. Выходить искать виноватых у нас не хватало желания. Мобильные телефоны прежде были неуместны, а из фильмов ужасов самым страшным был «Вий» 1967 года. Миска ещё какое-то время поплясала и замерла.

Воспользовавшись этой паузой, мы решили поскорее забраться под одеяло, как неожиданно в большом доме отчётливо начали двигаться тяжёлые стулья. Я был напуган своей крайней беспомощностью. Танюшина рука в моей дрожала, как яркий факел, когда я угрожал темноте за окном, размахивая спяянными вместе кулачками. И дом заснул...

Чтобы приблизить желанное утро, мы опять забаррикадировались под ватным одеялом, крепко сцепившись между собой. Мне по сей день не нужно считать овец, чтобы уснуть.

Ту-дум! Бах! Кара-бах! И я выпрыгиваю из царства Морфея. У входной двери с противоположной стороны никогда не существовало полноценной ручки и того, кто так уверенно дёргал дверь. Стивен Кинг не так беспощаден к читателям, как было «Это» ко мне и сестре. Включённый свет выравнивал ситуацию в пользу тишины. Я посетовал на воздух и обстоятельства, боясь приближаться к двери, а потом додумался спать со включённым всюду светом. Сказано — сде-

лано.

Один...полтора...каменный сон.

Серия сильных ударов в грудь крошечными кулачками сестры вернула меня в реальность, где холодной рукой «Это» держало Таню, пока я не очнулся. Я потрогал ногу — она действительно ледяная, и только в одном месте. Сначала она решила всё списать на мои глупые шуточки, потом увидела, что Алексей спит как булыжник и даже не шевелится. Решено было не смыкать век до прихода людей.

После бурной радости и бабулиного возвращения мы стали выкладывать ей ночные страсти. Бабушка Маня успокоила нас, заявив, что это безобидный домовой, который в течение жизни из старика превращается в озорного ребёнка. Нужно лишь поставить ему под крыльцо молоко. Баба Маня не хотела нас пугать заранее, всё равно бы не поверили, пока не познакомились. Таня спросила у бабули, что делать, если мы опять встретимся с домовым? Она ответила: «Читайте, отче наш, Иисус — обязательно поможет».

Когда наконец-то ржавым воротом от колодца после забав с братом мне в первом из череды последующих случаев в хлам разmozжило голову, а кровью залило искажённое рёвом детское лицо, вот тогда бабуля решила, что не переживёт следующего лета, даже с полулитровым «Корвалолом», и для самовыживания будет вынуждена с любовью заманить нас на болота и с грустью там оставить.

Вот так, на своих худых партизанских плечах, в цветочной

косынке на голове, с хлыстом в руке, — баба Маня тащила: скот, огород, самогон, внуков и духов. А заботливая мама начала отправлять нас с братом на лето в коллектив сверстников.

Пионерский лагерь

Познавательное свободное лето в деревне миновало быстрее, чем девятимесячные ожидания тепла. Так же выходило и с пионерскими каникулами.

Дословно, как завещал великий дедушка Ленин и как учила Коммунистическая партия, мне делать не особо-то и нравилось. Алексей развлекался не по уставу. Но я точно хотел носить красный галстук — как все, потому что уже числился в системе октябрёнком. Отличников приводили к пионерской присяге через алую папку на Красной Площади, в торжественной обстановке, а двоечников и хулиганов вроде меня — на территории ЛЛМЗ, чтобы с детства привыкали к трудовой обстановке.

Помню, Алексей не запомнил те торжественные слова — наверное, потому, что не верил в них. А по жизни, как и с помпой обещал сорок лет назад, — я по-прежнему живой на этих страницах: люблю Родину, каждый день учусь, но ни с кем не борюсь, стараюсь помогать по мере понимания и, не скрывая, радуюсь переменам вокруг.

Пионерские лагеря были доступны и популярны. Родители три месяца жили для себя, а если что-нибудь случится, им обещали сообщить звонком или телеграммой. Все дети

рабочих поделены по возрастным группам на двадцать один отряд, в сумме их — пятьсот-шестьсот человек.

Жизнь в такой орде отличалась от деревенского лета, как программисты от шахтёров, но нам с Серёжей там необыкновенно нравилось. Временных друзей, кружков и секций — сколько пожелаешь: радиоэлектроника, дзюдо, самбо, выжигание по дереву, авиамодельный спорт, футбол, волейбол, настольный теннис, шахматы и прочее — и всё бесплатно или это как-то вычитали из родительской зарплаты. Деньги в том возрасте были нам глубоко безразличны. А вот тёплого времени никогда не хватало. Один раз я невыгодно его использовал и чуть-чуть утонул.

Вожатый, такой же нарушитель расписания, как и мы, в один из семи дней недели, забрал нас — меня, брата, Романа и пяток летних друзей — искупаться на реку, во время тихого часа. Одна нога здесь, другая в речке по колено. Чтобы далеко не ходить, мы решили устроить мокрые забавы — конечно же, в неподобающем месте. В детстве любые запреты — особенно без объяснений — сразу вызывали сомнение. Даже писать не стану, что никто плавать не умел, кроме вожатого. Да и речка была такая... «дабы не утонуть».

Знаешь, случается, когда единственная яма или люк на пустой широкой дороге находит тебя, как и гаишник глазами — в третьем ряду. Вот так вышло и на этой речке. Я наступил на подводную яму, в которую ушёл с головой, не чертыхнувшись. Буль!

Ни сухое, ни мокрое утопление ребёнка не приносит радости окружающим. Но товарищи решили, что это я так бурно учусь плавать, ведь каждый из них явно стоял на дне. Друзья перестали интересоваться мной и переключились сами на себя. А у меня вместо слов — вода во рту. Делаю одну судорожную попытку выжить, ещё чуток, но я не смог. Сердце прыгает воробьём, окружённое худыми рёбрами. Тёмная вода застилает мне мир, рот, глаза...

В мутном золотисто-закатном свете мне привиделась наша коммунальная комната, потом в цветочном фартуке, спиной к плите, появилась ссутуленная мама, и перемотка моей и без того короткой жизни ускорилась в полтора раза. Вот бледный брат с синими кругами под глазами, огромный отец стоял ко мне спиной в любимых вытянутых на коленях тренажерах. Мамин Андрей лулзал семечки, облокотившись о стену подъезда, и ждал. В двадцать пятом кадре промелькнули: Роман, Сосед, СёстрБабулякаратэ... «Умирать не так уж и больно», — последнее, что тогда удумал...

Дикий рывок вверх, и вожатый достал меня целиком из водной мглы, сам стоя в ней по пояс. Я делаю сиплый вдох, блюю рекой, ещё вдо-о-ох, будто резиновую грелку хочу надуть и начинаю раз ...цать орать: «Тону! Т-о-ну-у! По-моги! Тон...» Возмутительно-звонкая пощёчина от вожатого полноценно восстановила меня в намерении продолжать изучать мир и спокойно дышать, хоть я и промок до костей. Мой синюшный цвет тела сменился на приятный розовый минут

через сорок. Но главарь нашей вылазки оставался бледен всю дорогу до лагеря и думал, что сядет в тюрьму лет на двести. Мы договорились никому об этом не рассказывать, но теперь уже можно. Дай бог ему здоровья!

Прикинул за бессонную ночь, что родители научили меня писать, какать, говорить, считать, ходить, пить, есть, читать стихи с табуретки, но забыли научить банальному — плавать. На планете Земля, где воды в пять раз больше, чем суши — я базово обязан сам плавать и брата научить. И на следующий утренний сигнал горна мы втроём, без бледного главаря, с любопытством старались не утонуть уже в отведённом для этого месте. «Научился сам — расскажи товарищу!» — девиз советского ребёнка.

Так плавание из детской случайности превратилось в один из способов выражения любви к своей водной планете. И с тех пор, какие бы смешные трусы на мне ни были, я плавал, всегда, везде, при любой возможности, излучая вокруг себя голое мурашное удовольствие от соприкосновения с водой. Но погружался в сон, как камень ко дну, если только кто-то не начинал рассказывать страшные лагерные истории.

В чёрном-чёрном городе. На чёрной-чёрной улице. В чёрном-чёрном доме, где-то в Африке. Жила-была маленькая девочка. И у неё обязательно была мама, или чёрный кот, или чёрная «Волга». Или в совсем ужасной версии — ИПОТЕКА на двадцать пять лет. После такой концовки самые впечатлительные дети не могли заснуть до зари. А тем, кто

уснул прежде эпилога, в уши и нос щедро выдавливалась зубная паста — мятное жемчужное утро. Или уж совсем грубая вещь — спички между пальцами ног — огненный кожаный велосипед, крутящий обороты в ночной панике. Тогда нам это казалось весело. На самом деле — больно. Очень больно. Но огонь манил нас опасным теплом.

Яркая любовь

Высокие пионерские костры — самые яркие и дружные огнища в памяти, не считая бабушкиной бани, горевшей четыре раза из-за её бутлегерской жилки. От этого жара, где старшие отряды, подобно канувшим менестрелям, воспевали под гитару любовь и дружбу — сердца детей были ещё открыты для советского подвига, а глаза горели светлым будущим, именно там я и встретил Её.

Когда я пробую Её описать, строчки-то сразу теряют начинают чёткость и стройность. Просто поверь: тогда для меня она была дважды голубоглазой и трижды красивой девочкой в красно-белом сарафане на все 22,4022 млн. квадратных километров Советского Союза. Влюбился в Её бантики, как Алёша. Наш первый поцелуй взасос был такой желанный и неустанный, что я досконально изучил все места, где у неё прорезался коренной зуб или стояла молочная пломба. А послекусие честнейшего Советско-французского поцелуя в тени берёз сопровождалось получасовым онемением радостно покрасневшего рта. Сейчас нам с супругой такое

выполнить невозможно.

Друзья-пионеры сложили логическое завершение нашей любви: «Жених и Невеста! Тили-тили тес-то!»

Именно потому, что мы жили в Москве, нам крайне редко удавалось видаться вне лета. И я, и она предпринимали двухчасовые попытки встретиться, но лучшим стало решение культивировать любовь по телефону-автомату, радостными бумажными письмами и встречами на долгожданных каникулах в лагерях.

Три чувственных лета мы провели в мечтах о том, как будут звучать: первая и последняя буквы — имён наших детей, какое место они выберут в жизни. И неизвестно, к чему бы вся эта нежнятина нас привела, если бы на четвёртое лето я снова попал в лагерь «Юность». Но находчивая мама для разнообразия отвезла отдыхать сыновей в новое место.

Пионеры всё всегда бдят, и уже в солёном бумажном письме мне про неё всё-всё-всё доложили. Сомневаться не приходилось: она дружит с мальчиком из восьмого отряда, Никитой. Не знаю, имеет ли смысл записка: «Сегодня я буду целоваться с языком. Без тебя. Извини». Но тогда меня угнетало отсутствие такого рода заявления с её стороны. Другой язык будет ласкать её пломбы? Белобрысый Никита тоже гладит её золотистые волосы? Я ругал про себя перемены, свою робость. Перемешивал всё это каждодневно в голове и не мог удержать — как убегающий кофе, — вместо того, чтобы просто отключить плиту. Ещё какое-то время мне

снилась её лучезарная вселенная с изумрудными крапинами в глазах. Выходит, «незаменимых нет»?! Словам о любви суждено оставаться вечными, меняются лишь интонация и произносящие их люди. После меня образуется очередь к той, кому я честно привязан сердцем?

Синдром недоверия ко всем женщинам лет ...цать замирировал мне любовь по пояс. Всё правильно говорил сосед дядя Петя про девочек. Никакие выражения чувств не могли меня разубедить в собственном разочаровании, пока не случилось следующее в совершенно в другой стране.

Египет

Будучи человеком семейным, украсившим жизнь только двумя детьми и одним разводом, я отправился с представленными тебе выше лучшими друзьями и их семьями на самое красочное — Красное море. И возле стойки бара Роман указал мне на Неё — теперь уже стройную мать двух резвых мальчишек в сопровождении любовника. Ибо мужа я знал заочно.

Мои пальцы уверенно печатали тебе про смелость в меуарах, но в Хургаде я не смог найти решимости для диалога с подругой двадцатилетней давности. Как это часто бывает, дотянул до последнего дня для так необходимого нам обоим эпилога.

Набравшись «всё включено», я начал незатейливую беседу с ничего не значащих ответов на мои риторические вопросы. По тем же горящим зеницам мне показалось — она

тоже хотела поговорить. Но, как специально, вернулся любовник, и наш диалог прокис от его присутствия.

Не стоило откладывать на завтра то, что можно было выполнить через пять смелых секунд. Это был корень разочарования в квадрате — из уникального шанса и моей трезвой нерешительности. Подсознательная обида на женщин так долго искала выхода, что судьба сделала мне сотый подарок: посадила её парней на соседний ряд кресел в обратном самолёте.

Жизнь сплошь состоит не из случайностей. Я расстегнул ремень безопасности, вылез из кресла ещё до взлёта и спросил у мужчины, знает ли он про меня. Любовник утвердительно моргнул и кивнул чёлкой. Я предложил нам обменяться местами и начал с главного:

— Зачем?

Диалог с Яной вышел у меня лучше, чем с этой книгой.

Мы с ней успели обсудить двадцать лет за одну жизнь поллитровой бутылки пятилетнего коньяка. Она рассказала, как сильно любила меня, и как в тот памятный день решила расстаться с тем, что можно подарить мужчине лишь единожды.

Потратила два часа на дорогу с пересадками в мой коммунальный мир, но эффектная мама будто знала, насколько пораньше надо возвращаться домой с работы. А на следующее лето я не приехал в лагерь, и она замутила с Никитой. Я поделился с ней обидой на встречных девушек, особенно — на первую жену. Яночка искренне извинилась. Мы обня-

лись. Поцеловались. Она выдрала из моего сердца ментальный кол, который вбила двадцать лет назад. Я сказал детям, что если был бы смелее и решительнее — то сейчас был бы их отцом. Спросить о сложном легче, чем кажется.

ВПЕРВЫЕ

Первая школа

В юности, повздыхав недельку по промелькнувшему солнечному лету, мы привыкали к учебной реальности. Нам с братом нравилось ходить в школу возле самого дома. Несмотря на близость пунктов А и Б, дорога в мультикомнату занимала несколько головокружительных игровых часов. Нас никто не ругал за оценки — только за чумазую одежду. Школа была нашим ежедневным приключением, а не оправданной гонкой за педагогической похвалой. Те предметы, что меня интересовали — математику, историю, физику — я старательно изучал. Остальные — списывал. Если бы на скучных уроках иностранного языка мне тогда сказали, что в будущем я буду путешествовать по миру и платить учителю приличные деньги за английский, я бы запомнил не только столицу Великобритании и «хеллоу».

Однажды на химии я резко вдохнул озарение: всё домашнее задание рассказывали на прошлом занятии, его нужно лишь внимательно слушать, поддакнуть с места и пересказать! С этого момента Алексей стал учиться достойно.

Когда случались контрольные, я без стеснения садился за парту с ботаниками. Один из них — теперь мой кум, тоже Алексей. Мужчина-гений, выручавший меня словом и делом всю жизнь. Прикусив синий колпачок от ручки, он успевал

решить два варианта — себе и мне. По физике, химии, геометрии его оценки в дневнике иногда выглядели хуже моих. Я таскал с собой на занятия чуть ли не *авоську* (*сетчатая хозяйственная сумка, сплетённая из суровых нитей*), Алексей — мешок книг и обгрызенных ручек.

В школе мне приходилось импровизировать: придумывать, хитрить, прогуливать, подделывать, списывать или с опущенной головой, по-актёрски, признавать себя двоечником. У тёзки был всего один путь: твёрдо выучить всё наизубок, чтобы избежать домашней каторги.

Мне с дивной матушкой повезло. Другие мамы, как из ковров, выбивали из друзей лучшие оценки — вместе с пугающими соплями и горячими слезами в углу. Двойка — микроинсульт всей семьи и соседей. Отличник запрограммирован действовать строго по сценарию, думать, что укажут, выделяясь на общем фоне лишь послушанием. А меня всегда подгоняла лень.

На мой взгляд, советское образование стремилось к стандартизации, подавляя незрелую личность, чтобы наше будущее и впредь оставалось похожим на коллективное прошлое. Меня не готовили к успешному успеху, меня готовили к изнурительной работе. Если с чем-то не справился, подвёл — ВСЕХ! В армии рота отжималась из-за солдата. За проступок родителя объявлялась виноватой вся семья! Клеймо «враг народа» — хуже отлучения от церкви в царской России. Желание ребёнка вырасти и стать космонавтом — зву-

чало правильно, но не всегда искренне.

Например, объявлялся сбор металлолома. Каждому октябрёнку — собрать где угодно, столько-то килограммов. Ходить, искать, лазить, тащить на себе — лень. Я решил задачу за две копейки: один звонок из уличного телефона-автомата любимой мамуле на ЛЛМЗ. Писклявым голосом попросил: «Ма-ам, дай металлолом». Кто-то добыл: десять, пятнадцать, тридцать положенных килограммов, а Сержантов шокировал вожатых и пригнал две грузовые машины металлолома. Потому как не был зажат рамками чужих ограниченных мыслей.

После института — разумеется, с медалью — гениальный одноклассник стал лучшим обвальщиком мяса. А я, будучи благодарным за его дружеское сердце и надёжное плечо (я тогда носил малиновый пиджак), предложил ему открыть любой бизнес на его имя. Чем больше успешных людей во круг, тем успешнее и я сам. Плюс моя доля. У Алексея хорошая зарплата и социальный пакет, возможно, пенсия неплохая будет. Дай бог тебе здоровья, друг!

Первое моё ограбление

Не сразу понял, как случилось, но в тринадцать лет мне впаяли два года за воровство. Условно. Не горжусь всеми поступками, но они — часть личности, которую я давно простил, принял и полюбил. Преданная мама меня ценила и, лелея надежду отпугнуть Алексея от дальнейшего криминала, в сговоре с адвокатом подкупила следователя и судью. Вер-

шитель судеб на земле объявил нашей несовершеннолетней ОПГ воспитательное наказание: два года условно под маминым крылом. То, что могло стать ярлыком в трезвом обществе, превратилось в нагрудный орден для уличной жизни.

«С тех лет запомнил всё верно. Мною с волнением прожито, тобою с увлечением прочитано. Тчк»

Тема была на троих. Два корефана со двора — Лом и Лопата — предложили лёгкие бабки: пять минут на шухере постоять у коммунального дома на юге ЛЛМЗ. Тема — вернее верного!

Долго не запрягая, средь бела дня — тогда первые этажи ещё не были в решётках и магазинах, а подъездные двери стояли без домофонов — мы сжулили у одной *крали*породистый кассетный магнитофон: «Электроника ВМ-12» серого цвета. Я не шарил, сколько будет выгода — мне был внове сам леденящий жилы процесс. Волосы торчали дыбом. Болели соски. Чтобы хабар поостыл, а ноги перестали мандражировать, без палева спрятали добычу под досками в гаражах и разошлись по хатам.

Лом и Лопата росли босяками из неблагополучной семьи, без морального компаса, направляя себя, как могли. И когда на хате меня накрыли менты — надели на худые запястья колючие браслеты при понятых — потом, официально, проводили под ручки к жёлто-синей милицейской машине и посадили в «*стакан*» (*кузов-Уаз*), я не удивился, увидев внутри две испуганные рожи.

На первом допросе братья-щуки топили меня без цемента в тазу. И мне бы с той поры уже чалиться на малолетке с «нормальными пацанами», если бы не козырная маман. Она вломила в мусорню с адвокатом и юристом, угрожая сжечь всё и всех, если Алёшу не освободят.

На регулярных допросах, заменивших мне игры с друзьями во дворе, следователь в роли «доброго копа» рассказывал, что воровать можно сколько угодно — но с умом и, главное — без *мокрухи* (*убийство*). Дела убиенных не остывают за десятилетия, по ним непрерывно идёт работа. Дамоклов меч всегда висит над душегубом. А вот кражи — совсем другой коленкор. Если милиции по горячим следам поймать преступника не удалось — считай, дело будет пустое. Крадуну нужно лишь запастись терпением, не базарить лишнего, не скидывать хабар сразу, никогда не забывать про отпечатки пальцев и маски! Если перчаток нет, достаточно надеть на руки носки или варежки без резинки. Интересно, сколько «хрущёвских фантиков» заботливая мама отдала такому наставнику?

Очутившись под домашним арестом, я по-другому взглянул на советское криминальное кино. Из неоднократно просмотренных фильмов — «Калина Красная», «Берегись автомобиля!», «Джентльмены удачи», «Место встречи изменить нельзя» и других — я запомнил крайне полезные вещи:

Лучше покупать десять идентичных комплектов одежды и обуви, чтобы не привлекать внимания

Использованные шмотки вместе с обувью после делюги
— сжигать

Маскировка из накладных усов и бороды лишней не бывает

Нужен план нападения и отхода

Не надо становиться жадным фраером — деньги не стоят загубленной жизни.

Избегать насилия

Работать быстро, без свидетелей

Допускается воровать у тех, кто грабит народ

Преступник может быть и героем.

Все киносоветы попали в вену.

Через пару беспокойных месяцев на затёртой до позорного лоска скамье подсудимых я не очковал: знал, что ничего мне не будет. А вот Лом с Лопатой сидели на измене. У братьев в башке не складывалось, что о них может беспокоиться огромное материнское сердце чужой женщины, заплатив и за их свободу. На дворовых братьев уголовка подействовала беспонтово. На районе они стали чуть ли не блатными. Не каждый прыщавый подросток с ломающимся голосом мог в тринадцать лет хвастаться судимостью. В четырнадцать — они через форточку залезли в коммунальную комнату на первом этаже, куда не раз через дверь заходили попить воды, и подрезали отцовский аудиоманитофон (6 кг). К их обоюдному разочарованию, телевизор и пылесос оказались слишком тяжелы и объёмны. Шустрая мама с инту-

ицией и милицией настигла их быстро. Но снова не посадила. Только плюнула им между ног, обласкав радиоактивными *з@п@тыми*.

Через год после этого под гитару грустно запел Аркадий Северный, и Лом поехал, куда хотел — на малолетку. А Лопата стал остервенело стал бухать, чтобы когда братуха откинется, начать уже вдвоём нюхать героин — перед носом у самого кладбища.

Каждый из подсудимых понял приговор по-своему. От всей серьёзности процесса я по-детски перепугался. Но со временем чётко увидел: воровать по мелочи в моей стране — нельзя. За украденную музыкальную коробку необходимо побыть сколько-то лет в тишине между решёток. Нужно образумиться и пропустить поколение родственников — всего-то за мешок лука. Но вот если украсть вагон овощей, а ещё лучше — целый состав поезда с чем угодно, и обязательно поделиться награбленным с нужными людьми, — тогда ничего не будет, да ещё хватит денег на всех родственников, какие непременно тут же объявятся.

Перевоспитать человека в тюрьме, выделяя на его содержание двести шестьдесят рублей в сутки, а на корм сторожевого пса для заключённого — в два раза больше денег — никогда не получится. В России с тюрьмами беда — я узнал об этом, когда на восемь лет засудили уже Серёжу.

Хроники острова. Первое ограбление меня

Я давно забросил на антресоль памяти противоправные

мысли тех юных лет. Разменяв уже пятый десяток, полностью развязался с вредными привычками, практиковал *цигуноколо* полугода, официально вёл бизнес в двух странах, встречал рассветы без будильника, имел жену и детей. И никак не представлял, что и меня самого можно красиво обворовать. Ведь я знаю, как манят карий глаз, открытые двери и распахнутые окна в доме. Как гипнотически болтаются забытые в замке зажигания ключи. Как неловко выглядит торчащий в заднем кармане пузатый бумажник. Или как золотой канат на шее слепит глупый ум. Я с детства критически запомнил: ключи от входных дверей нельзя оставлять ни под ковриком, ни в горшке с цветами — каким бы честным, весёлым и хорошим мальчиком я ни был. Так однажды попытался ограбить нашу новую квартиру сосед снизу — и очень неудачно для себя.

На острове был очередной религиозный праздник, а я стараюсь удивлять семью гастрономическими экспериментами и без повода. Мне приятно слушать, как они чавкают: от холодца, горячего супа, солёного сыра (сулугуни), настоявшегося свекольника, рассыпчатого творога, сферических котлет, салатика «щётка» с орехами... Но в тот раз я создал салат «Мимоза» с тунцом на домашнем майонезе. Пролетаю с кухни мимо главного входа, нагруженный тарелками — и замечаю, что байков на месте нет.

Сообщаю об этом любимой жене, беру сына и выхожу на пустую парковку. Со стоянки вижу: внизу горы валяются оба

скутера, разбитые в хлам. Хватаю битую для крикета, валявшуюся у дерева, и бегу вниз с Акимом — пятки бьют по ягодицам. Байки лежат на боку, целые, но кто-то выломал замки багажников и ворохом раскидал содержимое. Я отправляю четырёхлетнего сына к беременной жене за ключами от скутеров, не допуская мысли, что она там — одна в потенциальной опасности. Любимая, ощущая седьмым чутьём нездоровую атмосферу, хватается за ключи и прибегает, причитая. Возмись внизу горы, в то время как хитрец уже копошится с нашими вещами в пустом доме.

Видимо, на Шри-Ланке принято хранить деньги в тумбочках, потому что закрытая на ключ тяжеленная тумба в моей комнате напрочь отключила у крадуна (назовём его Чамора) критическое мышление. Он потащил находку на себе, как черепаха панцирь. Так тяжело весят только: а) доллары бледнолицых и б) добротная старая мебель, сделанная для многих поколений хозяев.

Чамора в липком поту сбросил тумбу у бассейна — и возблагодарил богов, когда увидел поясные сумки на кухонном столе. Я как раз снял несколько тысяч долларов, чтобы оплатить аренду и раздать зарплаты сотрудникам «Мир Мирам» — естественно, с документами внутри. Надёжно пристегнув сумки, полные хабара, Чамора прыгнул в кусты, как в бассейн, и скрылся в направлении ломбарда — именно тогда, когда мы вернулись верхом на байках. Салат «Мимоза» получился вкусный. А вот досада — нет.

С утра нам под забор Чамора вежливо подкинул паспорта. Было приятное послевкусие — обычно за возвращение документов приходится выплачивать вознаграждение якобы случайным людям. Спасибо, что отделался деньгами!

Первый дом

В люблинской школе N я не доучился около шести месяцев — случилось настоявшееся, невероятное, шестнадцатилетнее семейное счастье: нам дали трёхкомнатную квартиру в новом доме у Москвы-реки, в районе Марьино. Серое многоэтажное здание с шестью подъездами для рабочих с ЛЛМЗ строилось лишь пятнадцать лет. Наверняка родители не разводились всю сознательную жизнь — связанные бетонной очередью, проходящей сквозь судьбы и поколения — ожидая свой заслуженный угол для рабочих людей.

Через год-полтора случился развал «трёх С и Р», и новое капиталистическое государство перестало раздавать квадратные бетонные метры гражданам в обмен на самопожертвование на работе.

Чтобы потнее, но без запаха, описать счастье новоселья, отмечу несколько фактов. Первое: квартира была на шестнадцатом из шестнадцати этажей. Второе: «Хельга» (*шкаф*), трельяж, стол-тумба, кресло-кровать, почти не используемый хрусталь, скрипучий шифоньер, надёжный холодильник «Минск», цветной телевизор «Горизонт» и прочее весомое имущество было заранее куплено по блату. Всё это богатство мы заносили сами, на вытянутых руках: лифт доду-

мывался ещё несколько четвертей луны, а нам было невтерпёж.

Радостная мама наконец-то обрела возможность для женского счастья — без пристального любопытства соседей и отдела кадров — и переехала к мужу. Я с искренней гордостью был свидетелем на этой свадьбе, закрепив подписью восьмилетнее ожидание брака и признав в отчине Андрея — отца. Мужчина, ждавший так долго бережно любимую маму, заслуживает и нашего с братом низкого поклона до земли.

Прости меня, отец, что называл тебя дедом, Андреем, по отчеству — Борисычем. Как угодно, но не отцом — до этой самой точки. Ты делал для нас с братиком только лучшее, как умел. БЛАГОДАРИЮ! Дай бог тебе здоровья, отец!

Батя Михаил по-прежнему жил в командировках, а жизнерадостная мамуля, обставив квартиру всем необходимым, заботливым крылом продолжала: забивала вместительный холодильник продуктами, оплачивала коммунальные счета. Лифт с зеркалом, балкон для курения, кухня без лишних свидетелей, туалет без очереди, молочно-белая ванна и только три зубных щётки в стакане, широченная одиноличная кровать... У мужчин в семье появились свои четыре стены для самовыражения: плакаты, коллекции, гантели, полки — и безумная свобода действий для подростков. Фантастика! Столичная жизнь поднялась на новый этаж.

Лифт стал отдельным видом развлечения и письменности — в те редкие случаи, когда он работал. Поначалу в техно-

логичной коробке, обшитой коричневыми панелями, кнопки были прозрачно-белые, нежжёные. Девственно-чистые лампы света в будущем станут бессильными от чёрного нагара спичек.

Запах новизны в кабине ощущался совсем недолго. Мудрые люди писали между дверей — в шахту, мальчики — по углам, девочки оставляли лужу посередине. На домового такое спихнуть уже невозможно. Если чуть-чуть подпрыгнуть во время подъёма кабины, то появлялась гарантия весело провести много часов с друзьями в замкнутом пространстве до прихода пьяного лифтера-освободителя. Потом научились раздвигать двери в шахту без диспетчера, используя металлические крючки, чтобы захватываяще прокатиться верхом на лифте.

Когда лифт ломался от износа или руками вандалов, я, лень и Сергей — как в тире — скидывали мусор из окна, ни разу не попав в бак. Дворник за небольшой гонорар был не против наших тщетных попыток попасть в «кольцо», и, плюясь через левое плечо, доносил мусор в бак. Но однажды батя с другом между тостами на кухне решили сдать старый холодильник на металлолом — через распахнутые окна. Рассчитали координаты, высоту над уровнем моря, сопротивление, градус алкоголя, силу ускорения... Но пустой дом еды отверг их жидкие расчёты и грузно приземлился на треснувший от неожиданности подъездный козырёк. Дворник сдал нас в милицию, как семью хулиганов.

Когда лифт ещё раз подчинили, он поднял меня и брата на Олимп удовольствий. Не знаю, как там у женщин, но мальчики расстаются с девственностью, наполненные рвением под завязку — рассказывая друг другу красочные небылицы о том, как вторая чакра входит в пятую. Парни при этом совсем не упоминают про неуверенность, дрожь, скованность и пять сек.

Наша братская небылица сбылась благодаря швейному училищу — серому пятиэтажному зданию, видному с балкона. Знакомая девочка из коммуналки напросилась с подругой отметить её день рождения — всё равно взрослых у нас на кухне нет. Через час, словно в древнегреческом храме любви, в квартиру запорхнули восемнадцать жриц с алкогольными и закусочными подношениями. К неминуемо наступающему утру, вдохновлённые богом Эросом, мы уснули, обоготворив одиннадцать из восемнадцати девчонок.

Прежде неизведанный таинственный секс стал доступнее колбасы. И мы с аппетитом «ели» каждый день по множеству раз. Я мог выбрать любую девушку и поделиться ей с товарищами, словно вкусными конфетами. Никаких стеснительных границ! Новые одноклассники и бывалые друзья не верили в такой успех, пока не поднялись в храм любви, куда без стеснения и нижнего белья девчонки приходили из училища после тренировки со швейной иглой. Всё шло очень активно, пока лифт не поднял на Олимп агрессивно настроенного отца возможной портнихи, выследившего её после уроков...

Хоопонопоно практика

В те времена я ничего подобного не слышал и, к сожалению, не практиковал.

Старая мощная техника, пришедшая с другой стороны Тихого океана — с Гавайских островов.

Эта практика высвобождает эмоциональный багаж после сердечных кризисов. Расширяет душу для ещё большей любви ко всему живому.

Хоопонопоно подходит для решения тяжёлых ситуаций и выполняется довольно просто: я выписываю сексуальных партнёров на бумагу. Нужно посчитать и припомнить всех. Мысленно обращаюсь к каждой девушке, стараюсь ощутить проговариваемые эмоции: «Светлана, прости меня! Светик, я тебя люблю! Света, я благодарю тебя! Светка, мне очень жаль...»

Абсолютно неважно, как кто с кем расстался. И всё! С первого раза результата не будет, такое возможно только при зачатии. Но попробуй, пожалуйста, делать это системно, и тогда эффект не заставит тебя волноваться при случайной встрече с бывшими. Вас будет связывать мирное соглашение с Наташей, Олей, Аней, Яной, Таней, Светой...

Новое окружение

В этот фрагмент памяти школу я посещал уже без всепроникающего подросткового любопытства — числился там восходящей хулиганской звездой. Мне было лень ездить даже пару автобусных остановок, и я перевёлся в школу напро-

тив нового дома.

Строгий завуч в костюме могущественно пустил три волны двойным подбородком, глядя на мои оценки через бинокль очков на носу.

На первом уроке широкой спиной и довольным лицом я собираю заинтересованные взгляды одноклассниц, выбрав себе базой заднюю парту, где обычно «камчатские школьники» лишь созерцают учёбу, но не погружаются в цифры ни на миг.

В девятом N классе числился известный на всю школу хулиганский медиатор. Выглядел он не по годам: усатым, серьёзным и злым. Звали его Диманом. У него было три старших брата, но Дима самостоятельно обирал и бил всякого, когда хотел — без подмоги. И на первой же перемене получаю от него приглашение проследовать в школьный туалет для юношеской идентификации. Я давно перестал выглядеть рахитом: на почётной стене в комнате висели чемпионские пояса, множество медалей, а в столе хранилась макулатура из благодарственных спортивных грамот. Курил немного, но в себя, не стесняясь родителей. Они сами дымили и ничего эдакого в этом не видели — даже давали деньги на курево с фильтром под модным слоганом «Живи со вкусом». Эти сигареты я и предложил новому однокласснику. Больше трёх секунд ломаться — дурной тон: Диман схватил сразу две — одну для тихо появившегося друга, который заранее знал, зачем он сюда пришёл.

Ростом, прибывший тип был с пожарную каланчу. Зажав в левой руке зажигалку, глядя на него снизу вверх, я решил, что сам он выпустился из школы ещё много лет назад, и слоняется теперь по туалетам, как привидение, в память о давно прошедших уроках по истории. Звали его Артёмом. За пару-тройку затяжек выяснилось: мы одноклассники, и вообще нормальные пацаны. Нечего нам сидеть на уроках — нужно вливаться в район.

На заснеженной экскурсии по новой местности мимо занятий я встречал уже высокие, но по-прежнему серые коробки, тротуары, ямы на дороге, цветные ограды, детские площадки, столы и лавки, творческие подвалы, заваленные не вывезенным барахлом помойки. Кругом тёмная одежда на сутулых плечах, испытанные лица, однообразная суета. Ctrl-C — Ctrl-V (копировать-вставить). Новыми выглядели только природа и мутная вода у дома.

Однажды по этой ныне красиво забетонированной реке целую неделю плавали презервативы в упаковке — скинутые с неизвестного завода выше по течению. Мы вытворяли с ними разные смешные штуки — кроме той, ради которой презервативы и создавались.

Сам я водки ещё не пил, но в разговоре с товарищами похвастался, что предки гонят самогон, сколько себя помню. А если уж вытаскивать бумажную «пробку Пандоры», то с родного, с домашнего первача. Когда все вокруг пьют, то и нам надо бы попробовать, что значит «крепость — вырви глаз».

Подшофе школьные дни замелькали, как деревья в окне уходящего и тутукающего мимо поезда. Голова не переставала кружиться от «вертолёт» — до выпускного дня. Алкоголь стал чаще чередоваться с подвальным спортом и реже с занятиями.

Новый алкогольный мир

Ещё до школы я знал формулу CHON , ведь весь процесс перегона самогона с ранней поры происходил на моих глазах. Но что творилось на уровне молекул — не представлял. А зря! Сейчас я тебе в сто девяносто слов напечатаю суть — на примере неправильно прославляемого вина.

Без дрожжей бражку не поставить, а дрожжи, не что иное, как живые одноклеточные организмы, которые с удовольствием едят сладкое. И всё, что заходит в рот, непременно выходит через зад. Вот это и будет вино. Один в один — ректальный кофе Копи-лувак. Научное название тому — *экскременты*. И когда бактериям есть нечего — в ограниченном тарой пространстве, кроме себя и собственных экскрементов — они начинают умирать. Вуаля! Самый дешёвый нектар с формулой CHON готов. Когда жидкость очистят от мёртвых бактерий, она дорожает в несколько раз и считается уже марочным вином.

С шампанским — интереснее. Вино разливается по бутылкам с пробковыми пробками и суют в штольню, где больше года — темно и четырнадцать положительных градусов по Цельсию. Через точно выверенный период в эти же

штольни подают яркий свет — и бактерии начинают пугаться и газовать в бутылках. Теперь ты тоже знаешь, что *перляж* — это пузырьки шампанского.

Мария Ивановна, здравствуйте!

Притормозили мы с Диманом и Артёмом только через шесть месяцев, ближе к маю, — полностью освоив технологию переноса на уроки пива в резиновой грелке, когда на трезвую голову директор предложил нам забрать аттестаты прямо сейчас и никогда сюда, пожалуйста, не возвращаться: ни трезвыми, ни пьяными. Оценки можем выбрать себе сами. Не отличники, но с отличием! Предложение больше, чем выгодное. Не дожидаясь выпускных экзаменов, мы, с кашлем от модных сигарет, попрощались со школой и отправились на пустырь — материализовывать капиталистическое будущее. Но спустя необходимое количество лет мне всё равно пришлось добывать аттестат об окончании вечерней школы.

Тогда ещё не было «наставников для наставников», бесконечных марафонов на месте, одинаково закрытых вебинаров, коучей эффективных людей, взвода психологов и прочей армии личностной поддержки. А мой неокрепший ум искал мужской авторитет. Только бы не работать триста тридцать пять дней в году ради будущего счастья, как отец, мать, как все кругом — за то, чтобы провести с семьёй четыре недели у моря. С ранних лет я этого не понимал и не принимал. Мне чувствовался обман.

«Счастье надо заработать и всю оставшуюся жизнь его обеспечивать. Работай, а то пенсии не будет!» — вкручивали в меня попеременно папа и мама. Они объясняли, что после школы я, естественно, попаду в ГПТУ (Господи, Помоги Тупому Устроиться), затем — на завод к отцу или в тюрьму за тунеядство. В ГПТУ я и вправду отучился: ровно один день.

Грёзы на зарплату я упорно менять не хотел, а сама мечта называлась коротко — лень.

У Артёма и Димана как раз был авторитетный двоюродный дед-наставник — советский Гобсек. Этот прототип французского персонажа, которого я лично не видел, через наше трио воплощал амбициозные планы по обогащению себя. С его мудрых советов и наставлений мы вынесли обречённый на пустоту подвал какого-то коммерсанта. Потом, как ночные пионеры, тормознули гоп-стопом двух абхазцев — с нужными вещами и незнакомой нам доселе — «*Марией Ивановной*». Эти парни, запрокидывая длинные носы с горбинкой вверх, чтобы остановить горячую кровь, поведали нам всё — включая секретный миф о том, как она ароматно смешивается с сизым дымом «Беломора».

По знаменитой советской легенде папиросы имели диаметр 7,62 миллиметра. И когда, мол, загремит война с Западом, табачный завод забывает, что «курение убивает», и чтоб наверняка — начнёт печатать патроны того же калибра. Не случайно и макароны в стране были того же диаметра, что и гильзы для автоматов Калашникова!

В советское время детей со школы учили кидать муляжные гранаты на дальность, разбирать/собирать автомат, ложиться на живот ногами к ядерному взрыву, а памятники, развёрнутые дулами в сторону врага, казалось, по сигналу «Радио Маяк» могли бы завестись и поддерживать войну прямо с пьедестала. Готовить граждан к мирной жизни было не всем выгодно: когда человек накурен, воевать уже неохота ни с кем, охота — попить и сладенького. С той безусой поры на 10 000 дней я закрутил дружбу с Марией Ивановной, как указательный палец с носом — каждое утро.

Дикая конопля росла по всей стране, никто не чинил ей уголовных препятствий. Она была основой лёгкой промышленности: свинки ели её, бумагу из неё делали, верёвки плели, масло отжимали. Через пятьсот метров и один пустырь от моего дома в Капотне цвело поле дикой конопли. Мы с одноклассниками использовали древний рецепт, но «вау-эффект» никак не наступал. Бывалые люди подсказали, как жарить «Кузьмича» на маргарине, варить «молочагу» со сгущёнкой, и тогда всё случилось с истерикой смеха. Единственная проблема на всех — найти кастрюлю. Шестичасовые «чи-га-га» хохота манили нас в зелёное поле сильнее, чем прогулки на велосипедах. Хотя я помню, как протёр бок за бессонную ночь в ожидании утреннего двухколёсного подарка от бати.

ДОБРО ПОЖАЛ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.